Груз

Александр Борисович Горянин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальное повествование Александра Горянина "Груз" о диссидентской деятельности в советские времена, более напоминающее шпионский детектив времён позднего СССР о борьбе гэбухи с нелегалами. Описывает реальные события, произошедшие при непосредственном участии автора.

***

Журнал "Звезда" учредил свою премию, чтобы отмечать самые значительные публикации года. Александр Горянин за повесть "Груз" был назван лауреатом 2001 года в разделе прозы.

- А. ГОРЯНИН
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - * * *

А. ГОРЯНИН
ГРУЗ
Из «Записок о потайной жизни»

Дуне Смирновой,
убедившей меня рассказать об этом

1

Продолжалось это восемь лет, точнее, восемь летних сезонов, а началось с приезда Фолькерта. Он появился в январе восемьдесят второго, под православное Рождество — самое удобное время. Можно было погулять по Москве, проверить, не притащил ли он за собой хвост. Мы заходили в церкви, и, если хвост и был, в чем я сомневаюсь, рождественская служба в Елохове и толчея вокруг собора помогли нам от него оторваться. Мы вышли по пустынной Рязанской улице к задам Казанского вокзала, взяли такси и отправились на юго–запад Москвы. За нами никто не ехал, это точно. В мастерской знакомого художника (хозяин был на халтуре в Харькове) мы все и обговорили.

Считается, будто сложные, ветвящиеся договоренности невозможно выработать в кабинетных условиях. Мол, как ты тщательно ни планируй, жизнь быстро внесет свои коррективы. И это воистину так. Однако почему–то в нашем случае практически все правила, выработанные в тот вечер, действовали затем на протяжении восьми лет почти без поправок.

Еще через день Фолькерт улетел в свою страну — кстати, я много лет не знал, в какую именно, лишних вопросов мы не задавали, а о том, откуда он вообще взялся в нашей жизни, расскажу как–нибудь в другой раз. Мы договорились с Фолькертом, что расписание на ближайшее лето нам передадут в конце апреля. И действительно, то ли двадцать шестого, то ли двадцать седьмого числа позвонила молодая, судя по голосу, женщина, говорившая с небольшим акцентом (со слов Алекса, ибо звонила она ему), и сказала фразу, означавшую, что она назначает встречу на следующий день у памятника Грибоедову.

Хочу сразу предупредить тех, кто намерен заняться какой–либо подпольной деятельностью: одна из основных опасностей — это забыть ваши условные знаки, условные места, даты, уловки, всякого рода кодовые слова и жесты, которые должны заключать в себе некую информацию или какое–либо предупреждение. Например, об опасности. Все это безумно легко и быстро забывается, а записывать боязно.

Правда, что–то мы все же записали шифром, который разработал Алекс. Ключ к этому шифру, как–то особо хитро занесенный в алфавитный указатель к «Атласу СССР», у меня, возможно, сохранился до сих пор, но прочесть эту тайнопись в квадрате я уже не смог бы даже при самом большом желании. Помню только, что шифр был удивительно остроумный.

Как бы то ни было, сказанные девушкой слова означали, что встреча должна состояться на следующий день вскоре после полудня, а точнее в 12 часов 12 минут (это надолго впредь стало у нас правилом: десять часов десять минут, семнадцать часов семнадцать минут и так далее, круглое исключалось), у памятника Грибоедову, а не сегодня через три часа после звонка на станции метро «Лермонтовская» в центре зала, таков был второй, заранее оговоренный вариант. Если бы что–то помешало ей или одному из нас прийти к Грибоедову, то на следующий день точно в то же время мы должны были встретиться на станции метро «ВДНХ», а если бы и эта встреча не состоялась — то еще на следующий день, по–моему, на «Рижской». Такой гибкий график в какой–то мере страховал от жизненных неожиданностей.

Нас было трое — три Александра. Я тогда снимал квартиру совсем на окраине, в Коньково; другой Александр, которого Фолькерт называл Алекс, и я его буду дальше так называть, был у нас «центровым» — обитал хоть и в коммуналке, но на Чистых Прудах; что же до Евгеньича, он жил на Краснопресненской набережной, рядом с известным после 1993 года всему миру Белым домом.

Помню, мы втроем, сидя у Алекса, довольно долго обсуждали, как вести себя на предстоящих встречах. И пришли к единственно правильному, как я теперь понимаю, выводу: главное — не следует воровато озираться. Ни в коем случае не вести себя, как человек, делающий что–то украдкой в надежде, что окружающие не заметят его действий.

Все зависит от обстановки, но в девяти случаях из десяти — разумеется, если облик приезжего по какой–то причине не исключает подобную манеру поведения — надо, опознав посланца, идти к нему навстречу с распростертыми объятиями, радостно обнимать и хлопать по спине.

Первая встреча со всякой командой будет происходить в метро. Нам на руку то, что в метро стоит шум и рев, и ни твоих слов, ни того, что будет тебе в ответ лепетать связной, все равно никто не услышит. Главное, не слышно, что вы говорите по–английски. В те годы это было непривычно и обращало на себя внимание. Говорить, впрочем, можно было любую чепуху, лишь бы связной в одной из первых фраз произнес некое условное имя. Имя достаточно четкое — такое, чтобы на слух невозможно было спутать с другим. Только после этого следовало в свой поток столь же мало значащих приветствий и вопросов вставить другое имя — тоже четкое, ясное имя, — которое ждет услышать твой собеседник.

Но все это были, как сказал Евгеньич, «проработки на будущее», завтрашняя же встреча будет иной. Во–первых, не в метро, во–вторых, не потребуется английский. Мы решили, что на встречу пойду я, а мои друзья появятся на бульваре за двадцать минут до намеченного срока и понаблюдают за обстановкой. На месте мы — совершенно незнакомые друг другу люди. Этого правила мы потом придерживались все восемь лет, и оно себя более чем оправдало.

В случае, если бы мои друзья заметили, что объект «пасут», меня, не спеша направляющегося к памятнику, должен был обогнать Евгеньич с курткой–ветровкой, перекинутой через правую руку. Но он меня не обогнал, и поэтому я, напустив на лицо самую большую улыбку, на какую был способен, подошел к коренастой барышне, через плечо у которой висела не оставлявшая сомнений синяя сумка с надписью «SAS». Моим опознавательным знаком был оставленный для этой цели Фолькертом пластиковый пакет с надписью «Маркс и Спенсер». В этом тогда не было ничего необычного. В СССР восьмидесятых миллионы людей разгуливали с такими пакетами, заменявшими им портфель, авоську, хурджин и переметную суму.

Восемь лет спустя мне предстояло узнать, что «Маркс и Спенсер», оказывается, большой магазин в Лондоне, и даже быть в течение нескольких месяцев его покупателем. Но тогда я этого не знал, в самом существовании Лондона был уверен не до конца, а в пакете у меня болталась «История моего современника» Короленко (часть вторая, издательство «Academia», М.—Л.,1930), книга, которую я читал в метро по пути из Конькова. Замечательное произведение, настоятельно советую. А еще советую всем подпольщикам не носить с собой бессмысленных вещей типа старых газет и тому подобного. Если вы по каким–то причинам идете на условленную встречу с сумкой, пакетом или рюкзаком, они не должны быть пустыми, в них должно быть что–то сообразное с жизнью.

Мы с девушкой одновременно произнесли: «Вы Саша?» и: «Добрый день!» Кстати, это был первый и последний случай, когда разовый связной знал наше общее, на троих, имя, не было больше и русскоговорящих. Вообще она была исключением во всех смыслах. Уже после пяти минут общения я решил, что она какое–то время жила в Москве либо живет и сейчас в качестве студентки, аспирантки, а то и, чего доброго, шифровальщицы какого–нибудь посольства.

«Вам большой привет от Индиры», — сказала она. «Индира» и было условным именем. «О, она меня не забыла! — сказал я. — А я думал, у нее в мыслях один только Виктор. Да и Виктор, знаете,

не расстается с ее фотографией». Она должна была услышать от меня имя «Виктор». «Ну и жара сегодня, — добавил я. — Еще апрель не кончился!»

К девушке подходило определение «хорошенькая дурнушка». Может быть, даже «очень хорошенькая». Но дурнушка. «Меня зовут Таня», — сообщила она, и мы пошли мимо Главпочтамта в сторону Лубянки. Несмотря на вполне нордическую внешность, Таня говорила скорее с восточным, как мне показалось, акцентом.

2

Сегодня, когда в Москве живет, говорят, сто пятьдесят тысяч граждан только западных стран, стало забываться, что общение с иностранцами каких–то полтора десятилетия назад было не таким простым делом. Вообще–то, не озабоченные карьерой люди моего круга — свободные художники, как говорили в старину — общались с ними достаточно часто: бывали у них в гостях и принимали у себя, ходили на посольские приемы. Осторожные и благоразумные знакомцы предостерегали от таких контактов, приводя в подтверждение своих слов печальные примеры, но я мог спокойно говорить себе: «Пусть следят, пусть стучат. Вменить мне в вину что–либо невозможно, я общаюсь с иностранцами исключительно удовольствия ради и для практики в языках».

Идя рядом с Таней, я был уже в совершенно другом положении. Мне надо взять у нее ту сумку, которую она сейчас несет через плечо, и я твердо знаю, что если нас в этот миг схватят гебисты, мне не отделаться легким испугом. Если за нами следят, то постараются взять именно в момент передачи, чтобы иметь сразу двух подследственных.

Почему–то Фолькерт исключил, что его гонец может сам явиться к одному из нас. Помню, я согласился: ну да, иностранец, не найдет, заблудится, не совладает с русской системой адресов. Возможно, поначалу Фолькерт имел в виду не Таню. Почему–то нельзя было поступить и следующим образом: встретиться с гонцом так, как мы встретились только что, а после этого пригласить его (оказалось, ее) к себе домой. Последнему запрету я был, впрочем, рад — у меня было мало шансов быть правильно понятым женой.

Я знал, что у Тани в сумке. Там должно было быть некоторое количество совершенно определенных пластиковых пакетов, ничего не значащие мелкие подарки и, самое главное, калькулятор с маленьким экранчиком. При наборе кодового ключа на экранчике появится расписание прибытия команд, которые будут доставлять груз, и названия городов. Кроме того, в сумке должны быть еще два пустых, ничем не заполненных калькулятора для ответных посланий.

Один знакомый математик объяснил мне, что подобрать код почти немыслимо, но можно сделать другое: разобрав калькулятор, отключить устройство, запирающее доступ к информации. Не подбирать ключ к замку, а снять запертый замок с болтов, крепящих его к двери и косяку. Думаю, для технического отдела КГБ это была бы выполнимая задача, и уж

тут сочинить какую–нибудь невинную историю оказалось бы, прямо скажем, непросто.

Я уже придумал место, где заберу у Тани сумку, и теперь мы двигались в этом направлении. Вел я ее медленно, пользуясь каждым случаем, чтобы остановиться. Вот здесь был ВХУТЕМАС, русская параллель к «Баухаузу» — знаете, Родченко, Татлин и так далее. А тот затейливый дом в китайском духе, где чайный магазин, построил в 1893 году купец Перлов в расчете, что у него в гостях побывает собиравшийся в Россию китайский канцлер. Через три года канцлер приехал на коронацию Николая Второго, но Перлова не навестил.

За разговорами и остановками мы одолевали улицу Кирова минут двадцать, но Евгеньич с курткой через руку нас не обогнал. Видимо, все сзади было чисто. Самому же озираться я себе категорически запретил. Все равно, глядя мельком, ничего не увидишь, зато сразу станет ясно, что ты чего–то боишься. Говорят, лондонские щеголи восемнадцатого века оснащали свои шляпы маленькими зеркальцами, которые позволяли им, не оборачиваясь, смотреть назад, как сегодня это делает автомобилист. Поскольку такие шляпы нынче не носят, самое правильное — не оглядываться совсем. Зато, когда идешь медленно, следящему очень трудно не выдать себя. Мои друзья, которые шли за мной один по правой, другой по левой стороне улицы, тоже, вероятно, испытывали некоторые неудобства. Зато от их внимания не ускользнули бы другие еле плетущиеся субъекты.

Мы подошли к Лубянке, и я объявил Тане: «А вот и КГБ». На долю мгновения в ее глазах мелькнул испуг, наверное, ей показалось, что я привел ее сюда, чтобы сдать в руки железных феликсов, но она тут же улыбнулась со словами: «Прекрасно знаю», и мы направились в «Детский мир». Это не было импровизацией. Пока мы переходили дорогу, я быстро объяснил ей, как мы будем действовать.

В «Детском мире» мы обошли все этажи, потолкались у нескольких отделов, Таня даже что–то купила. Когда же мы сочли, что насладились величественным зрелищем сполна, то снова спустились на первый этаж и оказались у двери, украшенной буквой «Ж» и виньеточным женским профилем. Прежде чем скрыться за этой дверью, Таня сняла с плеча свою шведскую сумку и протянула ее мне. История человеческих отношений не помнит более естественного жеста. Сумка была легкая, и, ожидая Таню, я расхаживал взад и вперед, сначала держа ее под мышкой, а потом закинул на плечо.

Затем я избавился еще от одной неловкости. Нелепо

расхаживать с полупустым пакетом и сумкой сразу. Я извлек В. Г. Короленко из пакета, каковой, свернув, сунул в задний карман. Восемь с половиной минут я скрашивал свое ожидание историей Гаври Бисерова, к которому по ночам являлся призрак погубленной им невесты, после чего, видимо прискучив чтением, не без труда запихал классика во внутренний карман пиджака. Бесконечная благодарность давно покойному издательству «Academia» за его любовь к малому формату, но впредь в подобных случаях ни в коем случае нельзя брать с собой книгу в полтысячи страниц. Впрочем, пиджак почти не оттопыривался.

Следуя моим наставлениям, бедная Таня провела в уборной минут пятнадцать. Когда я поглядел на часы в пятый раз, изображая чуть заметное (о, совсем капельку, никакого актерства) нетерпение, она, усталая, но довольная, наконец показалась в дверях. Мы не спеша вышли на Пушечную и облегченно побрели к Неглинке.

Поскольку сумка была теперь у меня, нам, по идее, следовало разумно быстро расстаться, но Таня тянула время и почему–то попросила проводить ее до метро «Горьковская», а я как–то постеснялся отказать ей в этом. Чтобы глядеться со стороны обычной парочкой, я иногда приобнимал Таню за плечи. Так мы дошли до площади Пушкина. Почти весь путь по бульварам я, по ее просьбе, рассказывал про Тянь–Шань и Кзылкумы, где проработал довольно много лет. Перед тем как нырнуть в метро, она, видимо естественности ради, наградила меня нежным поцелуем. Больше я ее, к счастью, никогда не видел.

3

Не помню теперь, до какого момента меня страховали мои друзья. По–моему, в «Детском мире» их уже не было, хотя сегодня это не кажется мне особенно логичным. Теперь не вспомнить, почему, но мы договорились, что после какого–то момента они едут к Алексу и ждут меня там. Да, у меня нет сомнений, что по Петровскому и Страстному бульварам они за нами не следовали. В любом случае, как только я овладел вожделенной сумкой, подойти ко мне они не имели права. Даже после того, как я расстался с Таней.

Я понимал, что мои друзья изнемогают от нетерпения, но, прежде чем отправиться к ним, почему–то дошел пешком аж до Белорусского. По пути мне удалось уверить себя, что слежки за нами с Таней не было. Я рассуждал за КГБ: теперь, когда связной дали уйти, самый естественный путь для этого мужчины (то есть для меня) — глухая несознанка. Отпечатки моих пальцев на предметах в сумке заведомо отсутствуют, и это идеальное для меня основание настаивать, что сумку я нашел. Короче, если бы пасли, не дали бы распрощаться.

Потом, уже в метро, я спросил себя: а вдруг нас тайком снимали? Если мне прокрутят фильм о нашей встрече и прогулке, можно ли будет нагло утверждать, что это не я, а загримированный под меня актер? Потом я стал спрашивать себя, не смехотворны ли все мои рассуждения от начала до конца? Потом я погрузился в чтение.

В «сасовской» сумке оказалось именно то, что мы ожидали, а сверх того красиво упакованная, но, увы, на шестьдесят пять процентов синтетическая рубашка и большая банка растворимого кофе. Тайные записи в калькуляторе гласили, что между вторым мая и пятнадцатым сентября будет девятнадцать команд: девять в Москве, семь в Ленинграде и три в Киеве. Записи имели такой вид: Л. 5/5, Галери Лафайет / Юнисеф. Это означало, что третьего (а не пятого, как решил бы посвященный лишь частично) мая мы должны встретить первую из команд в Ленинграде и что в руках у визитера будет пакет с надписью «Галери Лафайет», встречающий же должен иметь пакет с эмблемой «Юнисеф», детского фонда ООН. Все пакеты — и наши, и ответные — имелись в сумке.

Москву мы довольно тщательно проработали с Фолькертом, а вот о Ленинграде договорились лишь, что первая встреча произойдет на станции метро «Чернышевская». Две страховые — на «Нарвской» и «Электросиле». Подробные инструкции о

Ленинграде и о Киеве для последующих команд мы должны были передать (зашифрованными, на калькуляторе) с первой. А ее надо было встретить, повторяю, уже третьего мая.

Как они повезут груз через границу — не наша забота. Фолькерт сказал, что груз будет в автомобилях с двойным дном, переоборудованных не кустарно, а в заводских условиях. На извлечение груза уходит от тридцати до пятидесяти минут, и, будучи вынут, он больше не может быть помещен в тайник обратно.

Команды будут останавливаться только в мотелях, никаких гостиниц. Те, что приезжают в Ленинград, — в мотеле «Ольгино», те, что в Киев, — в мотеле «Пролесок», а которые в Москву — в мотеле «Солнечный». Это не их выбор, так предусмотрено автомобильными турами, которые эти люди покупают. Зарубежные представительства «Интуриста» продают всего несколько видов туров для автомобилистов, любопытствующих увидеть страну победившего социализма.

Туры обставлены довольно жесткими правилами: ездить только в светлое время дня, нельзя, например, доехать от Бреста до Москвы за один день, вы должны обязательно переночевать в Смоленске, вернее, в мотеле под Смоленском, забыл его название, хотя пришлось познакомиться однажды и с ним. В каждом городе следовало пробыть не больше дней, чем указано в путевке, и так далее.

Фолькерт успокаивал нас, что без специального оборудования установить наличие двойного дна в автомобилях решительно невозможно, а такого оборудования на советских таможнях пока нет. «Это совершенно точно», — настаивал он. Полностью исключено также, чтобы таможенники просто глазом заметили какие–либо пазы или швы.

Мы потом долго обсуждали все это с Алексом и пришли к выводу, что Фолькерт не обязательно говорил нам всю правду, но если его слова соответствовали действительности, то, скорее всего, речь шла об устройстве, открывающемся изнутри по радиосигналу. Видимо, это делалось во время разгрузки машины. Вот они в мотеле: подъехали к своему домику, выносят вещи, распаковываются, никуда не спешат, десятки раз бегают то в машину, то в дом и так незаметно вносят в свое кратковременное пристанище вместе с явным грузом груз тайный. Скрытые наконец от внешнего мира стенами, приезжие должны были упаковать все, предназначенное нам, в небольшие тючки, а те уложить в сумки, после чего оставалось только передать их по назначению. Передача («перекидка», как мы говорили) редко назначалась на день приезда, обычно на следующий.

Итак, нам нужно было срочно ехать в Питер, причем не поездом, а на двух машинах. Мы не знали, сколько упаковок нам вручат и возможно ли будет потом привезти это обратно в Москву поездом, в виде заурядного багажа. Когда же ты на машине, проблем нет или почти нет. А главное, без машины практически невозможно принять груз. К счастью, в Ленинграде нам было где остановиться: нас ждала пустая квартира приятеля приятелей в первом этаже пятиэтажки рядом со станцией Ульянка. Надо было только вскоре после въезда в город заехать за ключом от нее по некоему адресу (в другую пятиэтажку) на улицу Ленсовета, чуть в стороне от Московского шоссе. У Алекса были «Жигули», пятая модель; у Евгеньича — «Нива», на них мы и отправились.

Второго мая мы прикатили в Ленинград — видимо, в одно время с нашими еще неведомыми друзьями. То есть, если все шло по расписанию, они должны были в этот день въехать в пределы государства рабочих и крестьян со стороны Финляндии, доехать до Ольгина, получить там в свое распоряжение домик, затем поехать в город для первого знакомства с ним, а главное — для того, чтобы выяснить, где находятся станции метро с такими страшными именами: Tschernyschewskaja, Narwskaja, Elektrosila.

Мы закинули вещи в пахнущую старой собакой квартиру на Ульянке и отправились осматривать место, где, как мы надеялись, уже завтра вечером состоится перекидка. К подобным местам предъявлялись почти взаимоисключающие требования. Во–первых, появление бросающейся в глаза иностранной машины должно было там выглядеть вполне естественным делом. Это сегодня иномарок расплодилось больше, чем отечественных, в те же годы иномарка, да еще с зарубежными номерами, весьма обращала на себя внимание. Ленинград к ним, правда, привык, но при этом исключались экзотические районы — какой–нибудь Шкиперский Проток, набережная реки Оккервиль или Кожевенная линия Васильевского острова. Место должно было быть таким, где возможен и привычен турист.

4

В Питере тех лет еще не перевелись переулки, где машина вообще была редкостью, но такие слишком тихие места не годились — там обитало слишком много старичков и старушек, проводящих целые дни у окон. Занятие мудрое, достойное бодхисатв, да вот беда: любой из этих тихих созерцателей мог хранить в душе нерастраченный комсомольский задор. Мы с иностранцем еще толком не успели съехаться багажниками, а уже сухонькая ручонка задорно накручивает номер Большого дома.

Требовалось место в центре или почти в центре, при этом насколько возможно пустынное. Такое, чтобы хорошо просматривалось (нами), но максимально неудобное для слежки (за нами).

Скажу, отбросив пустую скромность: я знаю Питер как мало кто еще. После долгих раздумий меня осенило. Искомое место находилось, конечно же, на Аптекарской набережной почти на углу улицы Профессора Попова. Это, для тех, кто не вспомнил сразу, левый берег Большой Невки у Ботанического сада.

Не могу взять в толк, почему по этой набережной такое слабое движение. К примеру, вам надо попасть с Садовой в район Лесотехнической академии, Удельной или Парголова — достаточно частый случай, я думаю. У вас нет более удобного пути, чем через Троицкий мост, виноват, он тогда был Кировским, по Петровской и Аптекарской набережным к Кантемировскому мосту. Однако по какой–то причине почти все предпочитают путь через Каменноостровский, тогда Кировский, проспект.

И очень хорошо, что предпочитают. Эта маленькая топографическая причуда питерских автомобилистов позволила нам не меньше полутора десятков раз за восемь лет произвести перекидку практически под сенью дубов Ботанического сада — их ветви во многих местах протягиваются здесь поверх ограды.

Мы помчались на разведку, и, о счастье, мой чисто умозрительный расчет подтвердился. Набережная не оказалась перекопана или перекрыта и не сделана односторонней, а мои придирчивые товарищи не забраковали мой выбор. Затем мы нашли какой–то запасной вариант, правда, поплоше, и еще до наступления сумерек были свободны. Помню, я подумал тогда, что и наши неведомые партнеры, по всей вероятности, уже ознакомились с ленинградским метро, вернулись в Ольгино, произвели свою замысловатую и необратимую распаковку и теперь с трепетом готовятся к тому ужасному, ради чего прибыли из своей чисто выметенной, но, боюсь, скучноватой страны.

Мне сейчас кажется, что алгоритм общения с доставщиками, менявшийся далее мало, выработался после двух, от силы трех встреч. На первый контакт в метро, за редкими исключениями, шел я, как знающий английский. Алекс тоже мог объясниться на этом языке, но хуже, чем я. Евгеньич из иностранных знал лишь испанский, он несколько лет работал на Кубе в качестве учителя музыки. Но испанской команды не было за все восемь лет ни разу. Были норвежцы, голландцы, французы, англичане. Реже — шведы, бельгийцы, немцы, датчане. Кажется, ни разу не было итальянцев, швейцарцев, австрийцев, греков, португальцев. Точно не было финнов. Припоминаю всего несколько примеров, когда кто–то приехал (через год или больше) во второй или третий раз. В таких случаях меня неизбежно заключали в самые пылкие объятия. А еще говорят, будто западноевропейцы — люди холодные и чуждые чувствам.

В метро мы обычно шли вдвоем с Алексом либо с Евгеньичем: я шел на контакт, а мой спутник наблюдал, все ли путем. Наш зарубежный друг, как правило, достаточно испуганный, всегда ждал у часов. На каждой станции таких часов двое, и договориться о том, у которых именно мы назначаем встречу, как показал опыт, практически невозможно. Будь я один, мне пришлось бы в ожидании гостей расхаживать по диагонали станции то к одним часам, то к другим, что выглядело бы странно. Поэтому мой тайный спутник и подстраховщик был полезен еще и тем, что избавлял меня от подобной необходимости, он наблюдал свою сторону, а я свою. Третий участник нашего преступного сообщества ждал наверху в машине, в каком–нибудь проходном дворе.

Если приезжий (или приезжие, они часто являлись вдвоем) возникал не на моей стороне, мой товарищ пересекал платформу и почесыванием подбородка давал мне об этом знать. Далее следовала радостная встреча, взаимные удары по спине, мне вручался пакет (рубашка, чай, растворимый кофе, иногда витамины, иногда диск группы «Роллинг стоунз», пачка сырных галет и так далее — проверяй, КГБ!). Уж не помню, от кого, по легенде, были эти гостинцы. Легенда была одна, раз и навсегда.

Возможно радостнее болтая, мы поднимались в город. Теперь моя задача состояла в том, чтобы показать место, где я вечером подсяду в их машину. Не то место, где мы произведем перекидку, — упаси Бог! Туда мы приедем вместе.

Однако просто довести их до места моей вечерней подсадки и на этом расстаться было бы неправильно — если за нами следят, смысл моих действий скорее всего будет разгадан следящими, поэтому я обрекал несчастных иностранцев на

многочасовые прогулки — рассказывал про город, предлагал полюбоваться тем или иным видом, но с какого–то момента начинал им говорить: «Вот, запоминайте, это одна из главных улиц, вы ее легко найдете на любом плане, сюда очень просто доехать от вашего мотеля, начинайте считать повороты и запоминать приметы, вот здесь вы повернете направо...»

Так я их выводил к заветному месту (по времени это приходилось примерно на вторую треть экскурсии), показывал, где я буду стоять, например, в двадцать часов сорок пять минут. Первое такое место в Ленинграде я облюбовал то ли в Банковском, то ли в Москательном переулке, прямо у выезда на канал Грибоедова. Хорошее, безлюдное место.

Правда, в тот момент, когда я должен был подсаживаться в машину, оно могло оказаться не таким уж хорошим и безлюдным. Но выбора не было, они подъезжали, я неторопливо (обязательно неторопливо!) усаживался, и мы трогали. Был, конечно, предусмотрен и сигнал «проезжайте мимо», но за все эти годы я прибегнул к нему, может быть, один или два раза.

Помню, я чуть было не подал такой сигнал при своей самой первой подсадке. Банковский (или Москательный) переулок оказался вдруг неправдоподобно полон каких–то излишне праздных студентов из близлежащего общежития и мамаш с младенцами, а подкативший автомобиль оказался к тому же не скромным «Фиатом», достаточно похожим на «Жигули», а наглым спортивным «БМВ» бледно–бирюзового цвета.

Как бы то ни было, первый блин не вышел у нас комом. Где произойдет перекидка, чужеземцы, повторяю, никогда не знали, я для того и садился к ним, чтобы руководить движением груза к цели. Чаще всего мы ехали прямо к месту, иногда же, наоборот, намеренно долго плутали, но всегда под моим руководством. Буквально с первого раза я усвоил две простейшие истины: во–первых, не ждать идеального момента, не рассчитывать и не надеяться на него, такого не бывает никогда, а во–вторых, ехать надо, как и идти, ненатурально медленно, тогда незаметная слежка за тобой становится почти невозможным делом. Не беда, если все раздраженно обгоняют любознательного иностранца, любующегося русскими красотами. Главное, что в зеркалах заднего вида сразу становится заметна машина, плетущаяся с той же скоростью.

Впрочем, и при быстрой езде мудрено не заметить следящий за тобой автомобиль. Меня с тех пор сильно смешат фильмы, где герой или, наоборот, злодей подолгу колесит за кем–то, сидя у него на хвосте, а тот ничего не замечает, дурачок.

Да, я забыл сказать, что в этой предфинальной стадии две наши машины уже никак не участвовали. И на месте моей подсадки меня никто не подстраховывал. Алекс и Евгеньич напряженно ждали нас в точке перекидки. По тому, как стояла «Нива», была ли у нее открыта задняя дверь или поднят капот, стоял ли рядом с ней Евгеньич, я, подъезжая, получал представление о ситуации и говорил иноземцу: остановить рядом или поодаль, выйти из машины, перейти набережную, либо же начать усиленно любоваться телебашней, Гренадерским мостом, противоположным берегом реки, роскошными кущами Ботанического сада, а то и вовсе уйти гулять минут этак на сорок — конечно, оставив свой багажник незапертым. Когда мы возвращались, «Жигулей» или «Нивы» не было уже и в помине, а чужеземный багажник, разумеется, был пуст.

На Аптекарской набережной с этим не бывало проблем. Не помню случая, чтобы неподалеку от места разгрузки вдруг оказалась какая–нибудь неприятная машина, полная задумчивых мужчин. Чаще всего, особенно если было уже достаточно темно, мы, не городя огород, съезжались зад к заду, перекидывали сумки или кубические упаковки из их багажника в наш и разъезжались. Упаковок могло быть от двадцати до ста. Больше ста за все годы было раза два.

5

Уж не помню, по каким причинам, но при наличии такого идеального места, как Аптекарская набережная, мы много раз устраивали разгрузку в других местах — я сейчас говорю о Питере. Мы делали это на Гаврской улице, делали в Коломягах, в Комарове, возле Серафимовского кладбища, недалеко от железнодорожного переезда на пути из Пушкина в Павловск, и даже раз на Приморском шоссе прямо у ольгинского мотеля, и хорошо помню, как мне тогда не понравился грузовичок самого захудалого вида, но с армейской антенной, похожей на конечность огромного членистоногого. Однако ничего, обошлось.

Почему–то однажды — видать, были причины, — я вылез с сумками на каком–то углу, норвежская чета укатила к себе в Норвегию, а Алекс, тоже по какой–то уважительной причине, подъехал минут через двадцать пять. За это время я выслушал немало предложений подбросить, и не задорого, от энтузиастов–частников. Даже не подозревал, что их такое количество.

Бывало и так (особенно когда ношу можно было перенести за одну ходку наличными руками, машина гостей не слишком бросалась в глаза, а дом, где мы остановились, к тому располагал): мы просто подъезжали к подъезду и все вместе, не мудрствуя, заносили сумки в квартиру. Как–то мы нашли — то ли в Лигове, то ли в Сосновой Поляне — совершенно случайный, но крайне удачно устроенный дом. Подъезды у него были на обе стороны (большая редкость!), а подъездные аллеи выглядели зелеными туннелями, из окон почти ничего не просматривалось. Грех было не использовать такой дом для перегрузки. Мы с иностранцами вносили сумки со стороны фасада, как бы направляясь в дом, а мои друзья выносили их через дворовой подъезд и укладывали в нашу машину.

Впрочем, вторая разгрузка в этом доме стала последней. Мы с англичанином по имени Джон на миг замешкались где–то между лифтом и почтовыми ящиками, когда вдруг из–за угла, видимо, из какой–то квартиры первого этажа, бесшумно вышел серо–желтый дог размером с пианино и стал миролюбиво протискиваться между нами, направляясь на улицу. Любознательный и невысокий Джон рассматривал в этот миг плакатик с изображением «кандидата единого блока коммунистов и беспартийных» (кажется, это называлось так). Пса он увидел лишь когда тот коснулся своей башкой его бороды, а увидев, выпустил ношу сразу из обеих рук. Почти пудовая сумка припечатала собачью лапу. Но ничего страшного не произошло.

Дог вздрогнул, выдрал лапу, смерил Джона презрительным взглядом и проследовал своей дорогой. С криком «Джонни, Джонни!» за ним промчалась его тщедушная хозяйка. В дверях подъезда она обернулась и сказала моему английскому другу: «Зря вы так испугались, мужчина. Наш Джоник сроду мухи не обидит».

«Почему–то ваши собаки часто имеют имена наших людей» (перевод подстрочный), — задумчиво констатировал англичанин, прощаясь со мной. Я не нашелся что сказать в ответ на его печальное наблюдение.

Спасибо тебе, еще более удобное место, мечта подпольщика, дивный проходной двор по соседству с Медным всадником. Он позволял попасть с Красной улицы (давно уже вернувшей себе девичье имя Галерная) на бульвар, носивший поэтическое имя Профсоюзов (ныне, кажется, как встарь, Конногвардейский), попасть не тривиально, через две подворотни, а более утонченно. Посреди двора стоит приземистая круглая постройка, по очертаниям — тряпичная купчиха, сажаемая на чайник, дабы не остывал. Возможно, трансформаторная подстанция. Мы быстро въезжали во двор со стороны Галерной, огибали «купчиху», тормозили у сквозного подъезда (если я не ошибаюсь, дома номер восемнадцать по Конногвардейскому) и в самом бодром темпе оказывались с нашим грузом на бульваре, где уже ждал кто–то из нашей троицы — за рулем и с включенным мотором. Увидеть из подворотни на Галерной, что мы делаем, было невозможно, «купчиха» перекрывала обзор. Следящим пришлось бы, выдавая себя, быстро обежать ее или объехать.

И уж совсем идеальными были два дома в Москве, один открыл Евгеньич, второй нам, сам того не ведая, подсказал знакомый книжный спекулянт. Эти дома имеют коридорную систему, так что можно войти, например, через первый подъезд со стороны фасада, а выйти, например, через седьмой со стороны двора. Мы решили, что подобным домом можно воспользоваться только один раз, поэтому берегли и тот, и другой для чрезвычайных обстоятельств, да так ни разу и не использовали. Не уверен, что теперь нашел бы их в случае нужды.

Видимо, по причине постоянных поисков такого рода мне раза два снились удивительно реалистические сны о том, как я бесконечно долго иду сквозь какой–то огромный дом, преодолевая густо населенные коммунальные квартиры, иду не только коридорами, но и через какие–то проходные комнаты, жильцы которых воспринимают мое появление как нечто хоть и досадное, но, увы, законное. Самым удивительным в таких снах было ощущение, что прохожу я здесь не в первый раз, мне все

знакомо и путь привычен, хотя запомнить его и нелегко. Кто сгоняет в наши сны такое количество незнакомых людей всех возрастов, кто строит столь сложные декорации, кто режиссирует мизансцены?

В конце шестидесятых, когда я еще не был московским жителем, но уже начал наезжать из Ташкента в столицу при каждом удобном случае, мне показали на Мещанской удивительную коммунальную квартиру, вскоре расселенную. Она была совершенно исполинских размеров, и обитало в ней за два десятка семейств, как на подбор безалаберных. Парадная дверь была здесь таким же законным входом, как и дверь черного хода, и обе не запирались допоздна. Можно было войти, спокойно проследовать по коридорам насквозь, спуститься по черной лестнице во двор, а там, через подворотню, выйти на другую улицу. Если в дверь входил человек приличной внешности, вопросов ему не задавали. Подразумевалось, что он идет к кому–то, живущему в недрах квартиры, и идти ему до цели, может быть, еще метров сто. Нельзя исключить, что вопросы не задавались вообще никому. Хорошо помню, как местный краевед провел меня этим путем, помню, кажется, все коленца, сужения и ступеньки на пути, помню камин с бюстом Антиноя, по причине неведомо каких перестроек оказавшийся в одном из глухих тупиков коридора. И еще один яркий кадр на экране памяти — единственная на всем пути приоткрытая дверь, а за ней худая старуха в шелковом китайском халате и с длинным мундштуком у китайской же ширмы, на которой корячится дракон. Я уверенно говорю, что этот реальный ковчег не снабдил мои сны ни единой деталью. Тайна сия велика есть.

6

В Питере, надо сказать, наши дела в целом шли глаже, было меньше накладок и недоразумений. Может, это теперь мне так кажется. А кажется потому, что я слишком люблю этот город, самый прекрасный на свете, — тогда я только подозревал, что он самый прекрасный, а позже убедился из ряда сравнений. На самом же деле, в Москве вероятность сбоев повышалась по чисто статистическим причинам, ведь большая часть наших дел делалась здесь.

В Москве у нас тоже были гениальные места. Одно открыл я, это аллея Первой Маевки. Мало кто вообще знает о ее существовании. Тем не менее любому автомобилисту известен большой путепровод, позволяющий попасть с Рязанского проспекта в Кусково и Новогиреево. Переезжая путепровод, вы видите по правую руку от себя большую Успенскую церковь, по левую же можно заметить скромное начало искомой аллеи. По–моему, на ней всего три или четыре дома, ну пять. Когда же эти дома иссякают, она превращается в подобие лесного шоссе. Если по нему проезжает машина, то велика вероятность того, что ее водитель либо заблудился, либо едет по каким–то темным делам, хотя я допускаю, что аллея может привести и к какой–то уважительной цели.

Следить на ней можно только открыто и внаглую, тайная слежка здесь исключена. В одном месте аллея подходит к станции электрички Плющово. Под железнодорожными путями здесь есть подземный переход, практически всегда идеально безлюдный. Мы не раз делали так, особенно в сумерках: я подъезжал с иностранцами к этому переходу, у жерла которого уже ждал кто–то из наших, мы брали сумки и, предоставив порожних иностранцев своей судьбе, перетаскивали сумки на противоположную сторону, где стояла наготове вторая машина. Следить за автомобилем можно только на другом автомобиле. Чтобы выяснить, куда мы поедем дальше, нашим гипотетическим преследователям пришлось бы выполнить долгий объезд по вышеупомянутому путепроводу, и при большом везении они бы оказались на месте десять минут спустя после того, как нас и след простыл.

Еще было у нас неплохое местечко в Мурманском проезде. У него застроена только одна сторона, и когда вы отъезжаете в Питер, буквально минуты через полторы этот проезд возникает по правую руку от поезда и тянется потом еще полторы минуты. Его почему–то мало кто знает, хотя он позволяет легко и быстро

попасть с проспекта Мира на Шереметьевскую улицу и в Марьину Рощу, когда Сущевский Вал безнадежно забит.

Были и другие славные уголки, но чаще всего мы использовали в Москве место, открытое Алексом. На углу Мичуринского и Ломоносовского проспектов был кинотеатр «Литва». Не уверен, что он существует сегодня. Неподалеку от него Алекс обнаружил превосходный плацдарм для наших дел. Ломоносовский идет под уклон, готовясь нырнуть под Мосфильмовскую улицу, и имеет здесь, по этой причине, что–то вроде возвышающихся берегов. Левый берег представляет собой железнодорожную насыпь, это какая–то заводская ветка, и по ней дважды в сутки крайне медленно и торжественно следует грузовой поезд.

Под защитой насыпи стоят кирпичные дома, в начале семидесятых слывшие как бы даже престижными, что сегодня представляется смешным. Подъезжают к ним замысловатым способом с Мичуринского проспекта. Внутри квартала и в описываемое время не диво было встретить иностранную машину — здесь, в аспирантских общежитиях Московского университета, живет молодежь со всего мира. По бетонной лесенке можно преодолеть железнодорожную насыпь и спуститься на проезжую часть Ломоносовского проспекта. К сожалению, стоять в этом месте проспекта нельзя, но возможна якобы аварийная остановка: с поднятым капотом, с мигающими поворотниками.

Впрочем, это был бы очень заурядный отрыв, не имеющий никаких преимуществ перед другими московскими отрывами, так что мы ни разу не бегали с заветным грузом по упомянутой лестнице. Мы поступали иначе.

Подъездные пути, не доходя Мосфильмовской, малодушно сворачивают влево, теряясь в дебрях дикарской растительности и безалаберных советских заборов. Несколько лет назад здесь все переменилось, выросло какое–то строение от электрического ведомства, появились два ряда зеленых гаражей, а в те времена под мышкой у рельсового закругления была идиллического вида автомобильная стоянка, летом укрытая с трех сторон непроницаемыми кустами. По мере их разрастания стоянка, когда–то несомненно бывшая для жильцов соседнего дома как на ладони, становилась все менее надежной. С наступлением лета владельцы норовили оставлять свои машины у ее левого края, он хоть как–то просматривался из окон верхних этажей. Заполнена площадка поэтому не бывала никогда. К прибытию «иностранки» наша машина, как правило, уже давно скучала в правом углу площадки, иногда с самого утра. Это у нас называлось

«пристояться».

Заговорщики, то есть я с моими зарубежными подопечными, въезжали и парковались возможно ближе. Если на площадке никого не было, перекидка происходила мгновенно, если же кто–нибудь регулировал зажигание или тонконогая отроковица прогуливала поблизости собаку, приходилось уводить иностранцев на прогулку по малоинтересному району.

Однажды это оказалось особенно некстати: английская пара прибыла не одна, а с двумя младенцами, третий находился в процессе изготовления в животе у мамочки. Любопытно, что за рулем была почему–то она. Мы гуляли чуть ли не до ночи. Я несколько раз таскал девочку Салли на руках. Отец таскал мальчика Ричарда все время. Когда мы уже было решили, что надо ехать перегружаться в другое место, появился Евгеньич в бейсбольной кепочке, что означало: дело сделано.

Англичане успели за это время рассказать мне о своей жизни практически все. Из их рассказа я сделал вывод, что быть пожизненным обитателем городка Хорнинг в графстве Норфолк — не такой уж подарок. Муж и жена были ровесники, вместе учились в школе. В Лондоне они были всего несколько раз в жизни, чаще они посещали город Норич. И всякий раз обедали там в вегетарианском ресторане — они были вегетарианцы. А еще у них были какие–то крайне серьезные претензии к Папе Римскому. Собственно, они мне подробно и даже кипятясь объяснили, какие, но я не очень понял.

Из полутора сотен, никак не меньше, встреч за восемь лет гладко и без сбоев прошла, я думаю, ровно половина. Каждая вторая была с приключениями разной тяжести. Самым простым и самым типичным было такое: в назначенный день и час на месте встречи никого нет. Это еще не причина пугаться — задержались в пути, поздно приехали, плохо ориентируются в чужом городе, заблудились в метро; есть второй, третий, четвертый резервные дни. Наконец, в Москве (правда, только в Москве) предусмотрена экстренная связь еще одного рода. У театра «Современник» есть две телефонные будки, а в каждой будке, как все прекрасно знают, имеется небольшая полка — чтобы удобно было листать записную книжку. Так вот, в критических случаях к нижней, изнаночной стороне одной из этих полок могло быть приклеено зашифрованное сообщение. Всего было предусмотрено два или три, уже не помню, трехбуквенных сочетания, означавшие: «Вышла непредвиденная задержка, с такого–то числа цикл возобновляется» или «Не ходите на встречи, больше команд не будет, ждите нашего связного», а может быть, и еще какие–то

варианты.

Но частенько выходило так, что время на все эти нежности просто не выкраивалось. Надо было ехать в Ленинград или в Киев — встречать новые команды, или же в Крым — переправлять груз дальше, а нас всего трое. Приходилось разделяться: один оставался в Москве, ходил безо всякой подстраховки на места встреч, проверял телефонные будки, по утрам, с восьми до десяти, сидел дома на расстоянии вытянутой руки от телефона — еще с Фолькертом мы договорились, что в случае, если команда не прибывает, одному из нас утром может позвонить некто, говорящий по–русски, и попросить к телефону в одном случае Дмитрия Палыча, в другом — Анну Васильну (по–моему, было заготовлено пять вариантов), а потом, извинившись за ошибку, сразу повесить трубку. Каждое имя что–то означало.

Кажется, записка в будке у «Современника» могла появиться лишь в том случае, если бы почему–то невозможно было сделать этот звонок. Фолькерт уверял, что люди, которых он к нам посылает, ни в коем случае не знают ни наших телефонов, ни адресов, ни даже наших имен. Наш контакт возможен только и исключительно на основе взаимного опознания пакетов и обмена условными словами. Значит, звонить мог лишь кто–то постоянно живущий в Москве, говорящий по–русски и облеченный куда большим доверием, чем разовые контактеры. Подозреваю, имелась в виду Таня.

Такой звонок должен был непременно достичь адресата, поэтому следовало исключить самую возможность того, чтобы трубку мог взять случайный человек. Впрочем, за все восемь лет нашим партнерам всего однажды пришлось прибегнуть к подобной мере, но позвонили не мне, а Алексу, а я все забывал его спросить, мужской это был голос или женский. Когда же, чуть не год спустя, вспомнил и спросил, уже Алекс успел запамятовать половую принадлежность голоса. Мне кажется, я бы сразу узнал голос Тани.

7

Мы, конечно, постепенно разболтались: забывали дежурить у телефона, да и дела не всегда позволяли, особенно когда останешься в Москве один, друзья укатили в Питер, или в Киев, или в Прибалтику (переправляли мы свою добычу не только в Крым), а тебе совершенно ясно, что никакой команды уже не будет.

Разумеется, всегда маячила тревожная мысль, что команда не прибыла именно потому, что ее взяли на границе, причем помимо груза у них оказался еще и калькулятор с секретным посланием к нам, а взяли на границе потому, что часовые наших рубежей обзавелись наконец рентгеновскими установками для выяснения разных интересных вопросов, как то: нет ли в автомобиле пустот, не предусмотренных конструкцией, а если есть, то не заполнены ли они, упаси Бог, чем–нибудь.

Собственно говоря, наличие пустот можно было, наверное, установить и без всяких рентгенов, достаточно было промерить дно и крышу машины кронциркулями, чтобы заметить их избыточную толщину. Но, как объяснил мне кто–то, один из советских генсеков превратил пограничников из самостоятельного прежде войска в подразделение КГБ, и по этой причине они финансировались по остаточному принципу. Нам хотелось в это верить, но мы понимали, что беда все же могла однажды случиться.

Кстати, я не раз спрашивал у прибывших: «При вас ли осматривают автомобиль?» — «Нет, — неизменно отвечали они, — загоняют в какой–то ангар и осматривают там». Я не мог этому не радоваться. Редкий человек хладнокровен настолько, чтобы сохранить спокойствие, видя, как досмотр приближается к тайникам. Думаю, что рыцарей двойного дна ловили бы гораздо чаще, если бы подобные операции проделывались у них на глазах, а кто–то из таможенников наблюдал бы за их вазомоторными реакциями. Но нашим доблестным, к счастью, важнее было скрыть свою замечательную технику и методы досмотра, либо полное убожество того и другого. В связи с чем, вплоть до нашего провала в восемьдесят девятом году, границы пересекались как по маслу.

Но это легко говорить теперь, когда все давно позади, а тогда каждая задержка порождала тревогу: «Ну, наверное, на этот раз промером или простукиванием обнаружили двойное дно. Открыть не смогли, стали сверлить. По сыплющейся трухе поняли, что находится внутри, и на радостях вскрыли машину,

как консервную банку». Запирательство бесполезно, да и с какой стати будут запираться почти случайные люди. Конечно, им неизвестны наши имена, адреса, телефоны, но они знают места и время встреч, знают, как нас опознать.

Впрочем, на все это уйдут минимум сутки, тем более что обладатели холодных голов и горячих сердец — большие любители вести всякие протоколы. А еще, небось, каждый шаг и полшага согласовывают с начальством. Брестский или выборгский майор не может принять решение об оперативных действиях в Москве. Помня об этом, на первую встречу я всегда ходил очень спокойно. Если человек с правильным пакетом и с правильным словом явился на первую же встречу, он не подставной.

Но если в первый день на месте никого не оказывалось, то на второй в принципе можно было ждать чего угодно. Поэтому начиная со второго дня я поступал так: пакет лежал у меня в кармане, в руках я держал какую–нибудь книгу, готовый в любой миг сунуть второе в первое и предстать перед гостями как положено. Вот, к счастью, я их вижу. Явились. На третий день, между прочим. За короткое время определить, что это не гебисты, едва ли возможно. По инструкции особенно долго ждать им нельзя. Они, правда, не могут пропустить меньше трех поездов, но в четвертый обязаны сесть и уехать прочь.

Я еду в вагоне рядом с ними, слышу, как они негромко разговаривают. Не орут в голос, как большинство иностранцев. Это счастье, что их двое и что не едут молча. Я знаю, что перед поездкой им давались специальные наставления, как одеваться в СССР, как меньше бросаться в глаза. Проехав с ними два перегона, вижу по ряду почти неуловимых признаков: не подсадные. Надо вступать в контакт.

Что бы придумать? Вагон не полон, но все равно вокруг люди, и каждый, кто хоть как–то обратил на меня внимание, не мог не заметить, что я посторонний человек для этой вот иностранной пары с ярким пакетом. Как мне теперь заговорить с ними максимально естественно? Ехать с ними слишком долго большого резона нет. К тому же, когда они выйдут, нагонять их на эскалаторе или на улице еще глупее. Я достаю из кармана свой пакет, укладываю в него книгу. Тупые иностранцы совершенно этого не замечают.

Как же мне привлечь их внимание? Они, видимо, муж и жена, уже в возрасте, едут стоя. Рассматривать в вагоне нечего, в те дни он еще не был обклеен рекламой. Они смотрят, несколько испуганно, на план метро. Рукой с пакетом я начинаю тыкать во что–то на плане и спрашиваю у них по–русски: «Будьте добры,

станция »Ленинские горы« закрыта?» Они в ужасе смотрят на меня, никак не замечая пакета, который был у них перед глазами, и сообщают мне на своем датском или норвежском языке, а может быть, на диалекте Фризских островов, что они, к громадному сожалению, не понимают по–русски.

Тогда я начинаю с самым веселым выражением лица говорить им какую–то ахинею по–английски, вставляя в нее условленное имя. Они не узнают, не опознают, не различают имени! Они бы узнали его на платформе, если бы все происходило по правилам, тогда у них была установка на это имя. Сейчас установки нет, да и шум метро мешает. Они бы от меня спаслись бегством, если бы могли, но не могут. Не могу отступить и я. Наконец махание пакетом и в седьмой раз повторенное имя «Саманта» вызывают радостное озарение у жены, она толкает мужа локтем в бок. Ура! Редкие, к счастью, пассажиры — суббота, утро — смотрят на меня с неодобрением. Пристает к иностранцам, фарцовщик бесстыжий. Но мне уже не до пассажиров.

Если верить книгам и фильмам, профессиональные нелегалы никогда так себя не ведут, но ведь книгам и фильмам верить не обязательно. Имея за плечами восемь лет именно нелегальной деятельности, я все больше подозреваю, что и профессиональные нелегалы ведут себя примерно так же. Более того, я в этом уверен. Что касается недогадливой пары, они оказались как раз очень милыми людьми. Я провел с ними довольно много времени, так уж получилось. Они всячески приглашали меня непременно приехать к ним в гости в город Гент, что в Бельгии. В восемьдесят пятом году это звучало очень смешно.

В тот вечер мы впервые опробовали новое место для разгрузки. В машину к бельгийской чете я подсел на углу Малого Козловского и Фурманного переулков, и мы покатили через пустой субботний центр, по Кутузовскому проспекту и Можайскому шоссе в Переделкино. Был конец июня, и в девятом часу вечера солнце еще не село, и ощущение было, что день едва перевалил за середину.

Готовясь к приезду этой команды, мы с Алексом и Евгеньичем решили, что в такие чудные вечера у просвещенного иностранца должно возникнуть желание взглянуть на дом, где жил Nobel Prize winner, автор «Доктора Живаго» — великого, по мнению заграницы, романа.

В Переделкине, надо сказать, иностранные машины даже в те годы никого особенно не удивляли. Потом мы не раз пользовались этим местом. Закрываю глаза и ясно вижу край дачного поселка, картофельное, кажется, поле, желтую трансформаторную будку, поворот к дачам Пастернака,

Всеволода Иванова и чьим–то еще, а может быть, и ни к чьим больше.

Мы въезжаем в зеленую аркаду, метров через сто пятьдесят осторожно сворачиваем влево на дорожку, ведущую к ивановской даче, и, немного не доезжая калитки, останавливаемся. Евгеньич въезжает следом за нами, но задом. Мы оказываемся багажник к багажнику, нас не видно ниоткуда, разве только с искусственного спутника Земли, и начинаем перекидывать пакеты. Их оказалось невероятно много. Это был рекорд, никем и никогда более не превзойденный. «Жигули» оказались совершенно забитыми. Алекс и Евгеньич накидали сверху каких–то рогож, леек и веников, дабы придать всему глупо–дачный вид. Не хватало только привязанной наверху бочки.

Для меня в машине места не оказалось, и я возвращался в город опять с бельгийцами. Они мне очень интересно рассказывали про свою гончарную мастерскую. Они делают там фламандскую народную посуду, осваивают китайскую, куда более сложную, причем не только простую обливную, но и будут расписывать ее драконами и иероглифами.

Хотя вопрос был и некорректный, я не удержался и спросил, как им удалось провезти такое количество груза. От прямого ответа они уклонились, но простор для догадок я получил. Оказалось, они приехали в машине с жилым прицепом. В нем две кровати, стол и даже буфет с посудой. Возможно, китайской. Я видел такие и раньше, а предыдущим летом даже совершил целую поездку в подобном доме с двумя подругами–француженками.

Больше всего прельщают в таком прицепе, конечно, душ, уборная и кухня, а уж укромных мест в нем можно накроить немало. Но вот что удивительно: приезжали и другие команды с подобными прицепами, причем иногда это были не прицепы, а автономные автобусообразные дома — огромные, почти двухэтажные, но никогда больше так много груза, как эти бельгийские симпатяги, никто не привозил.

В этом и в следующем году мы еще несколько раз пользовались закоулком Тамары Владимировны Ивановой (я с ней познакомился пять лет спустя, удивительная была женщина), но потом почему–то перестали. Была, была у нас, что греха таить, тенденция к упрощению. Конечно же, ошибочная.

8

Раз уж я коснулся профессионализма и любительщины, капельку задержусь на этой теме, другой случай может и не подвернуться.

Время от времени мы не могли не задавать себе вопрос: а как действуют в сходных случаях настоящие нелегалы? Ведь им заведомо знакомы многие наши трудности, но можно себе представить, с какой легкостью они, густопсовые профи, стрелки от бедра из двух рук по–македонски (и так далее), их одолевают!

Лишь теперь, с приходом свободы слова, я, кажется, получил ответ на наш вопрос. Какое–то время назад я купил на арбатском лотке две тематически близкие книги, одну для одиннадцатилетней дочки Даши, другую для личной услады. Первая, переводная, называлась «Краткий курс юного шпиона». Вторую, «Путеводитель КГБ по городам мира», составили семь очерков, написанных отставными советскими лазутчиками, у которых сейчас большая мода на откровения. Говорят, советские были то ли лучшими в мире, то ли занимали почетное второе место.

И я, и Даша остались вполне удовлетворены. Правда, удовлетворены с разным знаком. Даша теперь знает вышеназванный «Краткий курс» почти наизусть, переписывается со мной тайнописью и пытается ходить в обуви, надетой задом наперед. Я же прочел всего один очерк из своего «Путеводителя», а именно «Нью–Йорк» Олега Дмитриевича Брыкина, но мне хватило и этого.

Крышей для О.Д. служила Организация Объединенных Наций, где «не только работали, но и развлекались», а «выпивка по сравнению с магазинной ценой в городе стоила раз в десять дешевле». Бездонная память резидента сберегла не только каждое где бы то ни было съеденное кушанье, но и примеры высокого профессионализма советской разведки.

Вот, скажем, велят О.Д. встретить ценного агента в Зоологическом саду Бронкса у клетки со львами, которых (клеток) там не оказывается. О.Д. берет напрокат велосипед и, прочесав парк, находит несчастного агента, также замученного отсутствием клеток.

Неугомонный Центр шлет новую шифротелеграмму: агент «Ларин», описание внешности прилагалось, будет стоять в четыре часа дня на углу Мэдисон–авеню и Тридцать пятой улицы. Углов, увы, четыре. Какой имеется в виду? Ждать агент будет пять минут, после чего уйдет навсегда, а место это, хорошо его помню,

прямо кишит всяким досужим и деловым людом, туристами, полицейскими. Там легко проморгать родного брата.

Но и с этим ребусом наш герой совладал. Скажу больше: то, что он нашел агента Ларина, можно оценить как подвиг разведчика. Агент, черным по белому пишет сам О.Д., ждал встречи у выхода из метро. Дело, однако, в том, что выход из метро (шестой манхэттенской линии) находится не на углу Мэдисон–авеню и Тридцать пятой улицы, а в трех кварталах (два на юг, один на восток) от этого места, на углу Парк–авеню и Тридцать третьей улицы, ближе ничего нет. Я бы, например, с такой задачей не справился, это точно.

Но что пишет О.Д. дальше! «Я назвал пароль, он промямлил ответ, и я приказал ему следовать за мной. Я пошел вперед, а метрах в десяти (!) сзади шел он. Так мы дошли до следующего метро, спустились вниз. Через пару остановок я вышел. Он за мной. Я поднялся наверх, проверился на улицах (провериться на улицах — вещь, поверьте, непростая; что должен был делать в это время агент Ларин, невольный ведомый этого тандема? Ведь его никто не предупредил, как себя вести!) и опять спустился в метро. Агент не отставал. Мы доехали до подобранного мной нового места встречи, бара, где можно было спокойно побеседовать».

В этом месте у читателя от злости может начаться чесотка. Зачем О.Д., устраивая столь важную встречу, ведет себя максимально подозрительным, на взгляд случайного наблюдателя, образом, а своего агента заставляет выглядеть еще подозрительнее?! Я стараюсь успокоить себя: негоже любителю судить о действиях матерого профессионала.

Новая страница, новое приключение. На этот раз О.Д. нашел его себе сам, начальство ни при чем. В Нью–Йорке гастролирует «известный артист — бывший гражданин Советского Союза, невозвращенец». О.Д. увидел спектакль с его участием и, хотя «артист играл великолепно», решил его убить. Не по приказу, повторяю, по зову сердца.

Выяснив, в каком ресторане сегодня вечером перебежчик собирается нагло праздновать свой нью–йоркский успех, наш чекист отправился туда в дневное время на разведку. «Чтобы не светиться заранее, купил в магазинчике (могу себе представить этот магазинчик) накладные усы, маленькую бородку и темные очки, что резко преобразило (боюсь, к лучшему) мой облик. В общем, я стал походить на преуспевающего бизнесмена (ну кто же не знает, что преуспевающие бизнесмены выглядят именно так?). В таком виде направился в ресторан... Лениво подошел к музыкальному ящику, бросил монетку...» И дальше, и дальше в

том же духе.

Страшная мысль посещает меня: уж не по Дашиному ли «Краткому курсу юного шпиона» обучался О.Д. своему ремеслу? А что? Нынче эту книгу перевели у нас для детей, но, может быть, на языке оригинала она издана сорок лет назад, и тогда же был сделан тайный перевод для разведшколы, где учился О.Д. и его товарищи? Каждая страница «Краткого курса» содержит подобные трюки: самоклеющиеся бородки, темные очки, коровьи копыта, надеваемые на обувь.

Пытаюсь читать дальше: «Оставался самый главный вопрос: как вывести из строя предателя. Выстрелить в упор? Плеснуть ему в лицо серной кислоты? Бросить гранату? Или незаметно закатить ее под стол?»

Речь идет о ресторане, полном людей. С меня довольно. «Путеводитель» отправлен в корзину для мусора. Жаль, у нас не было возможности прочесть эти откровения пятнадцать лет назад. Мы бы живо перестали терзаться по поводу своего непрофессионализма.

Забыл сказать, что в конце восемьдесят второго года для подведения итогов первого сезона приезжал голландец с неголландским именем Кнут. Тоже босс, но поменьше Фолькерта. Со временем мы по–настоящему подружились с Кнутом, он стал приезжать каждую весну и почти каждую осень. Официально, кажется, в связи с поставками какого–то прядильного оборудования.

В первый свой приезд Кнут озабоченно обсуждал с нами главным образом проблемы безопасности. Он излагал вполне фантастические проекты, придуманные, правда, не им. Например, доставку груза на каких–то управляемых по радио низколетящих планерах через финскую границу, причем мы должны были купить дом (и нам бы передали на это деньги!) в какой–то обезлюдевшей деревне, название забыто, в районе Вепсовских высот, на востоке Ленинградской области. Планер должен был садиться зимой на лед местного озера, в ночное время. Когда я спросил Кнута: «А если запускающую команду застукают финские власти?» — у него не нашлось ответа.

Меня смешили эти проекты, но Алекс, человек, совершенно не боящийся жизни, сердился на меня за подобное отношение. Задача приема каких–то там планеров в безлунную ингерманландскую стужу не казалась ему чересчур сложной.

Слово «невозможно» вообще было не из его словаря. И неспроста. Ведь удалось же ему наладить издание журнала по современному русскому неподцензурному искусству. Журнал, материалы которого он собирал или отснимал в Москве —

статьи, их переводы на английский (журнал был двуязычным), слайды к ним, — а потом тайно пересылал с дипломатами, журналистами, студентами, да еще, подстраховки ради, в двух экземплярах, в Париж, где его единомышленник и партнер добывал недостающие материалы, делал оригинал–макет, находил деньги на издание, печатал журнал, распространял его, и все это в условиях невозможности даже позвонить друг другу.

А тут всего лишь какой–то планер. Уже не помню, каким способом предполагалось отправлять несчастный летательный аппарат назад в Финляндию. К счастью, как человек с фантазией, Алекс немедленно предложил Кнуту, а тот записал одной ему понятной скорописью встречный план: да, мы покупаем дом, только не на Вепсовских высотах, а в устье реки Нарвы, на другом берегу от курортного поселка Усть–Нарва (в «погранзоне», между прочим!), и пусть в реку Нарву заплывает миниатюрная подводная лодка, способ управления забыл, но тоже, естественно, беспилотная, которую мы каким–то образом будем вылавливать, опустошать и отправлять обратно.

Говорю «к счастью», потому что когда Кнут добросовестно (в чем нет сомнений) изложил эти контрпредложения Фолькерту, до последнего, видимо, дошло все безумие подобных затей. Во всяком случае, мы больше не слышали о планерах, воздушных шарах, амфибиях, роботах и субмаринах, зато машины с двойным дном аккуратно продолжали прибывать.

9

Хорошо помню июнь восемьдесят четвертого года, нашу поездку в Вильнюс. Мы не принимали груз, наоборот, доставляли его неким людям. Передача произошла ночью на глухой лесной дороге, после чего мы отправились в Вильнюс, где нам была забронирована гостиница, и завалились спать.

Когда я оказываюсь в новом для себя городе, время на знакомство с которым никак не выкраивается, я встаю в шесть, а то и в пять утра и успеваю немало увидеть. В Вильнюсе я никогда прежде не бывал. Я хотел увидеть место погребения сердца Пилсудского, мне было любопытно, как может выглядеть памятник сердцу. Мой питерский друг Володя Герасимов, знающий решительно все, когда–то объяснял, что сперва надо найти памятник Иоахиму Лелевелю, возвышающийся над остатками кладбища Росса, а от него уже рукой подать. Мне не удалось найти ни то ни другое, а ранние местные жители вообще отрицали само наличие подобных достопримечательностей.

Вильнюс оказался на удивление невидным городком. Побродив до девяти, я полностью в нем разочаровался, купил несколько пакетов невиданных в Москве сливок тридцатипятипроцентной жирности, предвкушая, каким кофе со сливками я порадую жену Ирину, и пошел будить своих товарищей.

Нервный Евгеньич скоро оторвался от нас и скрылся за горизонтом. Мы с Алексом ехали в моих «Жигулях» третьей модели. Сначала за рулем был он, через полтора часа его сменил я. Мы уже катили по Белоруссии, когда я заснул за рулем.

К счастью, мы не влетели ни во встречную машину, ни в столб, ни в дерево, а упорхнули во вспаханное поле. Дорога в этом месте была на несколько метров выше окружающей местности. Когда мы потом с милиционером рулеткой измеряли длину прыжка моего несчастного Мурзика, гаишник сказал, что его скорость не могла быть меньше ста тридцати километров в час. Мурзик коснулся земли в первый раз сразу за бетонным дренажным желобом — маленький недолет, и нам был бы конец — и прыгнул, как мячик, вторично. Не знаю, от какого толчка мы проснулись — Алекс тоже спал — от первого или второго. Главное, что все–таки проснулись. Все четыре колеса лопнули, кузов выглядел как отраженный в кривом зеркале, переднее и заднее стекла вылетели, и по пахоте были разбросаны пакеты сливок жирностью тридцать пять процентов.

Нам попался замечательный гаишник. Без всякой суеты он

устроил так, что первый же трактор вытащил покалеченную машину с поля на дорогу. После этого он стал останавливать каких–то местных автомобилистов, знакомых ему лично, прося пожертвовать по одному запасному колесу для нас. Два мы получили во временное пользование, одно нам было подарено, а одно купили, практически лысое. И я потом на этом лысом колесе ездил еще никак не меньше года — речь идет, напомню, о времени поразительных дефицитов. Этому колесу пришел конец на эстакаде у станции Горская, когда я весело катил из Питера в Комарово, но это было уже, выражаясь газетным языком, «в преддверии перестройки», а пока вернусь в восемьдесят четвертый год, в белорусский город Воложин.

На погнутых осях, без амортизаторов и стекол мы кое–как доехали до районной ГАИ и поставили машину в ее двор. Добрейший гаишник устроил нас на ночлег к какой–то местной бабке, помог организовать отправку покалеченного Мурзика на трейлере в Москву и не взял за все свои хлопоты ни копейки. «Да что вы, — говорил он, — это наша работа такая». За многие годы у меня были и другие контакты со всеми клятой Госавтоинспекцией, и должен сказать, что мне попадались в основном крайне приличные люди.

Городок Воложин между двадцатым и тридцать девятым годом был под Польшей. Я осмотрел трогательное польское кладбище, утопающее в сирени. Алекса, большого сибарита, я на эту прогулку увлечь не смог. Помню поразившие меня выпуклые буквы на чугунном люке канализации: «Сеймик вложинский». Значит, в Варшаве был сейм, а в маленьких городах — сеймики.

Мало было отправить искалеченную машину в Москву, следовало опередить ее и встретить там. Кроме того, мне было необходимо оказаться не позже, чем через двадцать четыре часа, в Москве, в Бюро обменов жилых помещений Ждановского района на Воронцовской улице. Я был участником сложного квартирного обмена. В цепочке было девять, как говорят профессиональные маклеры, «площадей», и все «ответственные квартиросъемщики» должны были собраться в определенный час в этом самом бюро. Отсутствие хотя бы одного срывало всю сложную комбинацию.

Проводив глазами трейлер, мы рванули в Минск и каким–то чудом попали на скорый поезд до Москвы. За все это время Алекс ни разу не попрекнул меня ничем. Его человеческие качества всегда будут образцом для меня — боюсь, недосягаемым. Ехали мы в спальном вагоне, в двухместном купе. И, помню, долго говорили об ушедшем мире фольварков, парков, рощ, могил (цитата), о своеобразном быте здешних маленьких городков, о причудливости «кресов», православно–католического пограничья.

Бабушка Алекса, при вполне польской по звучанию фамилии (Адамович), была из литовских татар, и в детстве, в начале пятидесятых, он не раз проводил у нее целое лето где–то в этих краях. Полагаю, в его описаниях был налет литературщины. Услышанное от родни и где–то прочитанное у него, возможно, даже преобладало над прямыми воспоминаниями, но от этого лишь выигрывали его рассказы о том, как воскресным утром почти весь городок, нарядный, отправлялся в костел, некоторые даже в цилиндрах, несмотря на советскую власть, а пенсне было сколько угодно. Еще оставались извозчичьи пролетки и соленые гуси. Все это исчезло, как Атлантида.

Я успел в обменное бюро и стал обладателем комнаты на улице Талалихина. (Это не имеет отношения к теме моего рассказа, но не могу не упомянуть, что в общей сложности я произвел за девять лет ровно десять обменов, продолжая все это время жить, никуда не трогаясь с места, в удачно и задешево снятой трехкомнатной квартире в Коньково.)

10

Тот же промысловый сезон, северная столица. Бреду Островами в тишине белой ночи, попадая в одну жасминную волну за другой (почему–то то лето, как ни одно другое, осталось для меня расцвеченным обонятельно — сиренью, жасмином, ландышем, шиповником, липой), бреду к приятелю на Черную речку, у которого я остановился, и с некоторой тоской думаю о том, что пора сладкого безделья кончается. А еще о том, что мы за все время ни разу, что называется, не поскользнулись на банановой корке. Как ни странно. Согласно законам жанра, главный источник неприятностей — всегда те самые пустяки, какие и предусмотреть–то невозможно. Как говорил знакомый саксофонист, облажаться в любом стрёмном деле можно девяносто девятью разными способами. Ну вот, например. Являюсь я в метро на контакт с доставщиком или, того хуже, на место «подсадки» и вдруг сталкиваюсь там со старым знакомцем, быстро отделаться от которого невозможно. И он мне ломает все дело, дальше начинается что–нибудь неуправляемое.

Я стал примерять на эту роль своих знакомых. Вот подпольный художник, кличка Толян Бубу (ударение на последний слог), налетает на меня с набором своих обычных бестактных вопросов. Нет, ты все–таки скажи, на что вы живете? Гостей принимаете, ездите всюду. Мы с Вовиком на днях прикинули, вы тратите тысячу рублей в месяц, не меньше (троекратное преувеличение). Ну хорошо, сценарии под псевдонимом. А какие сценарии, под каким псевдонимом? Сказать ему, что ли, что псевдонимы на самом деле – фамилии других, реальных лиц? Нет, правильным ответом, не забыть бы только, будет более универсальный: «Те самые причины, которые заставляют меня прибегать к псевдонимам, исключают и их раскрытие». И ловко, и правда. Хоть и не вся.

Или мой полный — по имени и отчеству — тезка, всеобщий приятель, легко и прозрачно обозначаемый именем Абажур. В отличие от Толяна, он не принадлежит подполью. Он принадлежит народу. Успешный композитор, Абажур еще не привык к своему успеху. Успех распирает его. При встрече он начнет рассказывать два новых анекдота сразу, будет громко хохотать, перебивать сам себя и сам же заполнять паузы. Как быстро избавиться от дружелюбного человека, не обидев его? А в это время контактер, уже опознавший меня по пакету, впадает в панику, совершает какую–то глупость, исчезает навек... Какое счастье, что если подобное когда–нибудь и случится, то хотя бы

не завтра. Все же здесь у меня в десяток раз меньше знакомых, чем в Москве.

Сладкого безделья я имел шесть дней. Мы с Евгеньичем приехали в Ленинград в прошлую субботу для приема трех команд подряд: в воскресенье, среду и снова в воскресенье. В первое из воскресений все прошло образцово — утром встретились, вечером приняли груз. Калькулятор уведомил нас, что в среду приезжие отменяются. До следующего воскресенья мы были свободны. Евгеньич, отроду большой мизантроп, знал способ добывания билета на девятнадцатое место в спальном вагоне. То есть в одноместное купе. Официально это место как бы не продавалось, но с помощью легкого подкупа очень даже продавалось.

Мы освободились в девять вечера, Евгеньич помчался на вокзал и, несмотря на воскресенье, купил свой знаменитый билет, да еще на «Стрелу». Мы упаковали добычу в две тяжеленные сумки, я помог ему погрузиться в поезд, и они, Евгеньич и поезд, отбыли под звуки «Гимна великому городу». Я остался на перроне, свободный и счастливый. Мне бы тоже следовало вернуться домой, но соблазн провести несколько дней в упомянутом великом городе, благо было где жить, оказался неодолим. Я не захватил с собой никакую работу, ни одной записи, и это делало мое безделье здесь полностью законным. К тому же в моем распоряжении остались «Жигули» Евгеньича. Но всему на свете приходит конец, следующее воскресенье настало.

Подхожу в назначенное время к часам на станции «Нарвская», внизу, ищу глазами своих иностранцев и сразу же, о ужас, вижу, как из подкатившего поезда вальяжно выходит мой недавний знакомый Сережа К. Более неподходящий персонаж здесь появиться не мог. Сережа был сотрудником какого–то адски секретного почтового ящика. Он не ходил в форме, но был флотским офицером, и в немалом звании. Я постарался притвориться, что меня здесь нет, но неудачно. Сережа радостно направился ко мне: «Как?! Опять в Питере? Почему не звонишь?»

Это сразу отменяло саму возможность моего контакта с новоприбывшими, которые, возможно, уже здесь и, возможно, уже увидели и опознали меня по пакету. И возможно (почему нет?), им, по закону пакости, именно сегодня сели на хвост. Как мудро мы с самого начала раз и навсегда решили с Фолькертом, что его люди никогда не подходят первыми!

Если они сейчас у противоположных часов, это, конечно, лучше, но тоже не повод для триумфа. Значит, сейчас появится дежурящий там Евгеньич, он вернулся из Москвы сегодня утром. Зоркий Сережа К. его заметит, придется импровизировать что–то

несогласованное. Сережу я знаю именно через Евгеньича. Они с ним старые знакомые по книжным делам. Кстати, бравый моряк еще в прошлом году спрашивал меня с интонацией самой дружеской шутки, чего это я так зачастил в Ленинград, небось какие–нибудь темные делишки?

Я довольно судорожно достаю из пакета книгу, а пакет запихиваю в задний карман. «Видел? — говорю я Сереже. — Полчаса назад купил. В Доме книги на Невском». Сережа меняется в лице. Разумеется, он жить не может без «Философии общего дела» Николая Федорова. Будучи добыта, книга встанет навытяжку у него на полке и никогда не будет даже перелистана. Но не быть обладателем Федорова, Чаадаева, «Дневника писателя» Достоевского или какого–нибудь особо нашумевшего тома «Литнаследства» он не в силах.

Впрочем, на его лице тут же изображается сомнение. «Как в Доме книги? Это же позапрошлогоднее издание». — «Ну и что, — говорю я, — сам знаешь, как у нас делается. Заслали тираж куда–нибудь в Горный Бадахшан. Или в Нагорный Карабах. Там он валялся, валялся, а теперь без шума приехал обратно. Знаешь, я уже жалею, что не купил две штуки. Ты не занят? Поехали вместе».

Пусть Евгеньич ломает голову, пусть недоумевают и падают духом посланцы Фолькерта, все это поправимо. Уж не помню, как я вывернулся перед Сережей с Домом книги. Видимо, никак не вывернулся, видимо, стал в его глазах еще более подозрительным субъектом и тем обеспечил его еще более подчеркнутое дружелюбие к себе. Не могу сказать, что меня это сильно заботило. Вечером я узнал от Евгеньича, что на «Нарвскую» никто так и не явился. Это всегда плохо, но на этот раз я даже обрадовался.

Встреча следующего дня была назначена на станции «Лесная», одной из самых глухих в Ленинграде. Вот он, мой голубчик, уже стоит на перроне. Даже чуть раньше времени. Молодцеватый парень, выраженный скандинав. Викинг. Варяг. У него правильный пакет, притом необычно полный. Щедрый человек! Бросает беглый взгляд в мою сторону — станция почти пуста — и садится на скамейку. Он явно заметил, что и у меня какой–то пакет под мышкой. Но тот ли? Торчащий край не дает ему возможности судить, я об этом позаботился.

Сегодня второй день, и я должен быть десятикратно осторожен. Не забудем, что таких выраженных викингов у гебухи сколько угодно. Есть ли в нем какая–то деталь, несомненно обличающая иностранца? Мой уже немалый опыт давно научил меня: несомненных в полном смысле слова деталей не

существует. И одеть, и обуть, и постричь в Большом доме сумеют на любой манер. И даже чересчур, на что вся надежда. У этого, например, явно иностранная обувь (а шнурки–то развязались!) почти желтого цвета. Говорит ли это в пользу его аутентичности? Ведь им раз и навсегда велено одеваться и обуваться — особенно обуваться! — как можно более советскообразно.

К противоположной платформе подкатил поезд, вышло жиденькое количество граждан. Пора решаться. Сделаю несколько шагов в обратную сторону (я ведь прогуливаюсь, кого–то ожидая, не так ли?), это позволит мне встретиться взглядом со страхующим меня Евгеньичем. Если он не подаст тревожный знак, пойду к своему варягу. Я вижу Евгеньича. Весь его облик выражает решимость терпеть скуку жизни до конца. На лице — постное неверие в то, что изменщица когда–нибудь придет. Ему бы еще увядший букет. Сигналы не шлет, в мою сторону не смотрит, все в порядке, ничего подозрительного.

Я поворачиваюсь на каблуках. О радость! Варяг, до того предъявлявший мне только правый профиль, теперь демонстрирует левый: он решил завязать шнурок, для чего развернулся и водрузил ножищу сорок седьмого размера (сразу вижу, у самого такой) на скамейку. Наш человек, кстати, так бы не поступил. Но радуюсь я не этому. В его левом ухе — серьга, именно серьга, мочка продырявлена. Конечно, человека с такой броской приметой нельзя было отправлять в пуританский Совок, но какое счастье, что его все же отправили! Едва ли гебуха дошла до того, чтобы иметь в запасе агентов с продырявленными ушами.

Я встряхиваю пакет, опускаю в него «Новый мир», уже заворсившийся от постоянного скручивания в трубку, делаю шаг к скамейке и вдруг понимаю, что целью, к которой по диагонали через платформу бежит женщина, являюсь я. «Санечка, — слышу я. — Ну конечно!» Я крепко схвачен за плечи.

Боже! Она всегда была безвкусно экспансивна. Сколько лет мы не виделись? Двенадцать? Не могу сосчитать от неожиданности. Изменилась, надо ей отдать должное, немного, все так же хороша. Краем глаза пытаюсь понять, как реагирует мой викинг. Он видел ответный пакет, он уже начал было привставать. Заподозрит неладное, уедет, как раз и поезд подходит...

Вот уж не думала, что встретимся когда–нибудь. А почему говорили, будто ты свалил за бугор? Ты не представляешь, как я счастлива тебя видеть. Да, замужем. Таможенник, представляешь? Ну, не просто, большая шишка. Кто бы мог подумать, правда? Да, две девочки. Конечно красотки, спрашиваешь! А кто (проворный взгляд на мое кольцо) твоя жена? Нет, не вижусь, он как–то сошел

с круга. Твой портрет так и висит у них на антресолях. Какая акварель? Масло! Ну и дырявая же у тебя память… Как мы с тобой тогда хохотали! Грудь потом неделю болела… Мы ведь там все на одном снимке, в Геленджике… Работает истопником, все пишет свой великий роман… Та же гатчинская дача, ну вспомни!

Даже до нее, врожденно бесчувственной к другим, наконец (минут через семь!) доходит, что встреча мне тягостна, но она не была бы собой, если бы позволила заподозрить, что она знает, что я это понял. Любую арену она должна покинуть с победой. Ее, оказывается, ждут, она жутко опаздывает. Вдвое более веселым голосом, чем требовали обстоятельства, она продиктовала свой телефон, чмокнула меня куда–то возле губ, обдав духами незнакомой, тревожно–арбузной гаммы, и умчалась в сторону Гражданки, излишне радостно махая из–за стекла.

Мой скандинав, оказавшийся французом, к счастью, все понял. Он терпеливо дожидался меня на скамейке, и никаких проблем с ним не возникло. Накануне он просто заблудился.

Никогда больше ни один знакомый или родственник ни в одном из мест, где мы действовали, не пересек нашу дорогу. Вот и верь после этого в теорию вероятности.

11

Больше всего хлопот нам доставил один симпатичный англичанин. Он прикатил в Киев на невероятно огромном, желтом «Воксхолле», не один (одиночки вообще были редкостью), а с женой. Жена отправилась осматривать город, и он пришел на встречу без нее. Это было необычно, чаще приходили в том составе, в каком приехали. Мы вышли из метро на станции «Политехническая», и, когда оказались на дорожке как бы за спиной у Политехнического института, он сказал, что это ему напоминает Кембридж.

Если это еще могло сойти за хорошую новость, то следующая была просто ужасна: оказывается, он думал, что перегрузка произойдет немедленно. Я и до того замечал, что инструктаж команд все чаще оставляет желать лучшего. Как видно, разболтались не только мы, разболтались и наши закордонные партнеры. Это открывалось в каких–то деталях. На третье, кажется, лето мы вдруг стали встречаться в десять ноль–ноль, в пятнадцать ноль–ноль и так далее. Тогда мы еще не поняли, что это был шаг к деградации всего нашего предприятия. Но куда больше меня и моих друзей поразило то, что с какого–то момента нам стали сообщать даты прибытия команд без двухдневного смещения. И не предупредив об этом! Вспоминаю наши недоумения: первый день — никого, второй — никого. Появляются на третий. «Что–то случилось?» — «Да нет, мы согласно расписанию в нашем туре». А нам надо сообщать в ответ даты каких–то своих обстоятельств. Как прикажете это делать? Со смещением или без?

Так вот, новоприбывшая пара еще рано утром извлекла груз из тайников, и сейчас он лежал в багажнике и на полу салона «Воксхолла», причем то и другое не запиралось. Еще в Бресте они обнаружили, что все замки сломаны. Мало того, через полчаса англичанин вдруг заявил, что не помнит, где оставил машину. Итак, незапертый и очень броский на вид (англичанин сразу честно сообщил об этом) желтый «Воксхолл» стоит неизвестно где, а его хозяин не способен думать ни о чем больше, кроме как о своей жене, с которой он договорился встретиться у их автомобиля.

Мы с ним на «Ниве» изъездили весь центр и прилегающие районы. Он говорил, что оставил машину на какой–то маленькой улочке, напоминающей парижскую, у него было очень ассоциативное мышление. Правда, много лет спустя я задним числом понял, что в Киеве и впрямь есть такие улочки.

Когда мы проезжали мимо Лукьяновского рынка, он вдруг закричал, как безумный, — увидел в толпе свою жену, которая, оказывается, тоже заблудилась. Дело шло к вечеру, и нам ничего не оставалось, кроме как отвезти несчастных в мотель «Пролесок», где они остановились. Мы же продолжали искать желтый «Воксхолл» и наконец около полуночи нашли его где–то на Печерске, на улице, обликом как раз совершенно не парижской, а целиком словно бы перенесенной из советского 1940 года.

Евгеньичу выпал жребий ночевать в своей машине рядом с «Воксхоллом». Ему было предписано не спать и не сводить глаз с желтого красавца. Мы же с Алексом рано утром примчались в мотель «Пролесок» и узнали, что приключения несчастного не кончились. Правда, мы застали англичанина, где и договорились — на скамейке вблизи автобусной остановки в трехстах метрах левее ворот мотеля, но в страшном горе. Оказывается, от чего–то съеденного на Лукьяновском рынке у его жены в час ночи начались страшные рези в желудке, и ее увезли в больницу. Теперь он не мог вспомнить, где находится больница. О том, чтобы сначала разгрузиться, а потом искать больницу, он не хотел и слышать. Он говорил, что хорошо запомнил, как выглядят ворота больницы. А еще он запомнил, что больница находится на горе.

Мы объехали сперва все горные больницы Киева, потом все равнинные, потом перешли к тем, что ютились в глубоких низинах, после чего англичанин нашел в кармане куртки бумажку с адресом. Его жена, на редкость славная рыжеволосая и зеленоглазая женщина с характерным быстрым взглядом — я так представлял себе (тогда) ирландок — была жива и здорова. Больница оказалась на Подоле.

Не помню, почему мы не разгрузились сразу после этого на Смородинском спуске. Это самое идеальное место из всех, какие мы использовали за все восемь лет во всех трех городах, причем нашел его тоже я, чем горжусь. По какой–то, уже забытой причине нам пришлось это делать в самом «Пролеске». К счастью, там нашлось бунгало и для нас. В те годы в мотеле поселяли своих лишь при условии, что не все места были заняты иностранцами. Это сейчас иностранцев обслуживают без малейшего трепета, при Совке же все обстояло иначе.

Как бы то ни было, место для нас, повторяю, нашлось, и недалеко от англичанина. Однако перетащить незаметно несколько сумок из одного бунгало в другое оказалось почти невозможной задачей. Мы сумели это сделать только сутки с

лишним спустя, да и то лишь около пяти утра. На прощание англичанин, славный, в сущности, парень, запоздало вручил нам рутинный пакет, где наряду с неизменными рубашками (видимо, их, снаряжая посланца в дорогу, люди Фолькерта вручали каждому в обязательном порядке) и растворимым кофе, была большая банка арахисового масла. С тех пор я стойкий поклонник этого продукта.

Должен заметить, что у нас помимо рубашек накапливались невероятные количества сумок, иногда очень хороших, чересплечных, дорогого вида, с массой молний. Всегда накапливались калькуляторы, снабженные еще и алфавитной клавиатурой, их передавали с запасом. Первые годы было также изобилие витаминов, кофе, сухих сливок, датских печений в круглых жестяных коробках.

Съестное пополняло домашний стол, а вот сумки, рубашки, майки, ручки, записные книжки, калькуляторы постоянно дарились знакомым. Не знаю, что они о нас думали. Ничего хорошего, подозреваю.

Приятель, которому я подарил превосходный кожано–брезентовый сак, с какими путешествовали коммивояжеры чеховских времен, сначала обиделся просто так, на всякий случай, а через какое–то время нашел повод и вовсе рассориться со мной. Возможно, виноват я сам. Допускаю, что я пожалел о подарке, а он прочел мои мысли.

С какого–то времени гостинцы нам вручать перестали, видимо, из–за недостаточной проработанности этой части легенды. Кажется, забывчивый англичанин был последним дароносцем. По–моему, начиная с восемьдесят пятого года гостинцев больше не было. В опознавательных пакетах, с которыми чужеземцы приходили на встречи, они таскали что–то свое. Впрочем, иногда они делали нам подарки по собственному почину. Один голландец, по имени Дольф (помню, я переспросил: «Адольф?»), уже после того, как мы распрощались — дело было на улице Дмитриевского в Москве, — вдруг догнал меня и сунул в руки дивное изделие из серой овечьей шерсти, связанное его женой перед самой поездкой. Я затрудняюсь подобрать ему название. По устройству это была кофта на пуговицах (огромных), застегивающаяся на мужскую сторону и рассчитанная на человека трехметрового роста и весом не менее пятнадцати пудов. Допускаю, что жена Дольфа такими представляла себе русских. Эта вязаная доха тихо живет у нас в шкафу и сегодня.

12

Через год, и снова в Киеве, произошло приключение, которое вполне могло закончиться крайне скверно. Дело было в восемьдесят шестом, в начале августа. Я отправил свое семейство в Судак и сам собирался туда же. Причуда расписания этого лета оставляла свободный зазор в семнадцать дней. За предстоящие три дня мне и новому члену нашего секретного сообщества (с характерными инициалами З.К.) надо было принять груз в Киеве у последней перед паузой команды. После этого мы с З.К. должны были отвезти добычу в Москву, и лишь затем я мог присоединиться к жене и сыну.

Алекс тоже собирался отдыхать в Крыму, только на его азовском берегу: будучи большим снобом, он отвергал Судак как место засиженное и пошлое. Не помню, какие планы были у З.К. Что же до Евгеньича, он в это время гастролировал на Дальнем Востоке. Как органист он иногда вдруг уезжал с концертами в самые неожиданные места.

Алекс отправился в Киев дня за три до меня, но не ради прибывающей команды. С ней никаких сложностей не предвиделось, считалось, что мы с З.К. способны управиться на киевском фронте без труда. Алексу надо было срочно доставить на своей «Ниве» в Старый Крым — это километрах в двадцати от Судака — улов двух предыдущих контактов. До Киева он должен был доехать с женой и дочкой, устроить там на несколько дней жену Лиду, которой захотелось осмотреть новый для себя город, и двинуться дальше вдвоем с пятнадцатилетней Аней. Возить груз на своем транспорте совсем в одиночку у нас не полагалось, мало ли что может случиться в дороге, но подстраховка в виде Ани была, конечно же, недостаточна. По упрощенной схеме действовали и мы с З.К. Извиняло всех нас одно: шло уже пятое успешное лето нашей тайной деятельности. Мы начали смотреть на нее как на рутину, полагая, видимо, что нам сам черт не брат. Оказалось, все–таки брат.

Я до последнего мига оставался в Москве — обманно маячил заказ на либретто, — решив, что приеду в Киев утром в день контакта. Собственно, в этом не было ничего необычного. Беспечность я проявил в другом — не купил билет заранее, решив, что легко сделаю это, как всегда, прямо перед отходом поезда.

Не тут–то было! На литерные поезда я попасть не сумел. Не увенчались успехом и попытки подкупа даже наиболее продажных на вид проводников. В итоге мне пришлось ехать каким–то

экзотическим поездом то ли на Жмеринку, то ли на Ковель, а может быть, на Унгены — неважно. Важно, что он приходил в Киев около одиннадцати дня, тогда как первая встреча в метро была назначена на десять. Ну, подумаешь, говорил я себе, следующая встреча в два часа. Не факт, что они пришли на первую, а если и пришли, ну и что? Подождали немного, согласно инструкции, и тут же уехали — придут на следующую.

Другим проявлением легкомыслия было то, что я ничего не знал о местонахождении Алекса (он мог быть все еще в Киеве) и З.К., и вместо того, чтобы искать их, пошел гулять по городу. Правда, найти их было бы делом довольно замысловатым, и я не уверен, что уложился бы в оставшиеся три часа. Мои друзья могли попасть в «Пролесок», а могли и не попасть. Советский сервис никогда не заходил так далеко, чтобы можно было позвонить в мотель и узнать, остановился ли у них имярек.

В Киеве жила Раиса, моя однокурсница по географаку Ташкентского университета, и я дал Алексу ее адрес и письмо к ней, но у нее не было телефона. Стоит ли надрываться, сказал я себе, увидимся в два часа на станции метро «Гидропарк».

У входа в метро меня караулил суровый З.К. (забыл сказать, что он приехал в Киев на моем Мурзике, давно восстановленном). «Борисыч, — сказал он, — подводишь!»

Оказалось, клиенты приехали, приходили в десять на встречу и вместо того, чтобы, пропустив три поезда, уехать, дожидались чуть не полчаса. Хорошо же их инструктируют! Были отец с дочерью–старшеклассницей, причем ждали не у часов, а в тупиковой части зала, вдобавок девушка уселась на бордюр находящегося в тупиковой части зала и дорогого каждому истинно советскому сердцу памятника, что было для тех лет поведением необычным (как все быстро забывается!), и этим привлекла массу ненужного внимания.

«Так что же ты сам к ним не подошел? — спросил я З.К.. — Ведь пакет у тебя был?» — «В том–то и беда, что не было», — ответил он. Ржа разгильдяйства подточила сами устои нашего предприятия.

Оказалось, Алекс с Аней спешно укатили в Старый Крым еще вчера вечером, поскольку автомобилисты в «Пролеске» рассказали, что из–за маневров Киевского военного округа все главные дороги на юг закрыты до понедельника. Чтобы не опоздать на встречу, Алексу придется чуть ли не сутки напролет, без сна, продираться до Мелитополя (оттуда путь свободен) какими–то глухими проселками.

На станции «Гидропарк» гости в назначенное время не появились, новое свидание по установленному порядку должно

было состояться завтра в одиннадцать часов на станции «Политехническая». Делать было нечего, и мы отправились в общежитие местного геофизического треста, куда нас устроила, спасибо ей, Раиса.

З.К. сообщил, что половина улиц в городе перерыта и перекрыта, что все время приходится делать какие–то идиотские объезды и что он вообще терпеть не может Киев. Он славный парень, и остроумный, но список вещей, которые он не может терпеть, излишне велик. Меня тревожил мой утренний прокол, я вдруг сообразил, что встречи срывались много раз, но всегда по вине приезжих, и никогда по нашей, это был первый такой случай.

13

Впрочем, на следующий день отец с толстушкой–дочерью были на месте вовремя. Мы обменялись рутинными фразами и вроде бы уже могли спокойно ехать к Крещатику, откуда началась бы наша обычная долгая прогулка. Подкатил поезд, и я стал жестом приглашать своих гостей войти в вагон, но тут девушка уронила свой молодежный рюкзачок, что–то выпало, из–за чего мы в последний момент воздержались от посадки. Передумал ехать и какой–то дядя вполне незамысловатого вида, уже вошедший было в третий вагон (мы стояли у первого).

Заметив, что я уставился на него, он повел себя как абитуриент театрального вуза, которому дали задание изобразить влюбленного, ждущего зазнобу в центре ГУМа у фонтана: стал преувеличенно сверять свои часы со станционными, сценически вытягивать шею, вглядываясь в конец платформы, — короче, вести себя как законченный осел. Мне это резко не понравилось, я переменил план и вместе со своими новыми знакомцами поднялся наверх.

Мы отправились на те самые задворки Политехнического, которые, оказывается, способны навеять воспоминания о Кембридже. Пока мы медленно брели в гору, нас обогнал З.К в моем коричневом Мурзике. К заднему стеклу была прислонена сшитая из ярких лоскутов подушка — знак крайней опасности.

Мы долго прогуливались по чудной тенистой территории. Похоже, человеческая рука меняла здесь что–либо в последний раз в тысяча восемьсот девяносто пятом году. Я с облегчением узнал, что груз еще не извлечен из тайников, и крепко–накрепко приказал своему собеседнику (он был голландец, специалист по садово–парковой архитектуре) и не распаковываться до моего прямого распоряжения. Голландца звали Дирк, а его дочь — Майке. К счастью, их тур предусматривал четырехдневное пребывание в Киеве. У нас было еще два с половиной дня.

Как ни странно, они плохо говорили по–английски, хотя все прекрасно понимали. Поскольку Майке училась во французской гимназии в Амстердаме, мы наладили общение так: я говорил по–английски, Дирк сразу отвечал по–немецки, а Майке переводила его слова на французский, который я понимаю на слух без труда при почти полной неспособности на нем говорить. Время от времени они выражали сожаление, что я не знаю немецкий, словно надеясь, что я перестану притворяться и заговорю наконец на этом превосходном языке.

Я объяснил Дирку следующее: «Я не уверен, что все

безопасно. Ничего конкретного, но как будто что–то такое разлито в воздухе». «Эр, эр», — несколько раз повторил я, показывая руками. Воздух, дескать. Полон чего–то такого.

А про себя добавил: слишком много людей с газетками возле входа в метро. Кстати, накануне я их тоже встречал — в центре, чуть ли не на каждом шагу. Филеры самого последнего разбора, как известно, часто ходят со свернутой газеткой в правой руке: где–то кто–то когда–то решил, что человек с совсем пустыми руками подозрителен. Носить в руках какой–то предмет уличному соглядатаю не очень удобно, а газетку, когда она начнет мешать, можно в любой миг бросить.

Я истолковал скопление бойцов невидимого фронта так: наверняка в этот день проводилось какое–то очередное успешное мероприятие киевского КГБ по окончательному искоренению буржуазных националистов, самостийников и мазепинцев. В самом метро я граждан с газеткой не видел.

Я сказал Дирку, что завтра в час дня жду его одного, без дочери, на «Политехнической», с большим пакетом, пусть набьет его чем не жалко (или даже жалко), годится любой новый предмет — майка, носки, кроссовки, — я указал на ноги Майке. «Сникерс», — поняла она. «Йа, йа, сникерс», — закивал ее отец. «Кепка, шорты, рубашка и так далее, — продолжал я, — только с бирками. Размеры — любые. Годятся витамины, чай, печенье, кофе, какао. В общем, большой пластиковый пакет должен быть полным». А про себя добавил: «Таким, ради которого в нашей стране пустых прилавков человек был бы способен сделать остановку в Киеве по пути в Крым». Боюсь, моя просьба показалась Дирку странной, но все доставщики были строго–настрого проинструктированы исполнять наши распоряжения.

Я видел, что Майке уже надоело наше бесцельное гуляние, но продолжал тянуть время, не переставая думать о том, что же побудило моего друга забить тревогу, и вдруг получил ответ на свой вопрос. Мы шли вдоль кирпичного забора, утратившего свою первоначальную функцию, и в его пустом проеме, где полагалось быть калитке, я увидел идущего параллельным курсом человека, которого приметил в метро. Такой, знаете, характерный пожилой дурень в кепке, но еще способный быстро бегать. Я хорошо помнил, как он шагнул в вагон за миг до закрывания дверей и уехал. Что–то заставило его вернуться, не иначе как любовь к уединенным прогулкам. Невозможно было придумать какую–то правдоподобную цель его появления здесь.

Мы с голландцами вернулись в метро, доехали до «Арсенальной» и там расстались. Какое–то время я тешил себя

мыслью, что сумел уйти от слежки, но не тут–то было. За меня взялись всерьез. Даже когда я в последнюю секунду сумел выскочить из закрывающихся дверей вагона, оказалось, что на перроне стоит уже дважды замеченный мною блондин, я присвоил ему имя Комсомолец. Он был в защитной куртке номера на два меньше, чем следовало.

Комсомолец не сел в поезд именно в предвидении моей, достаточно обычной, хитрости. Значит, кто–то другой уехал в покинутом мной поезде. Он мог себе позволить не выпрыгивать в последний момент. Я пересек платформу и покатил куда–то наугад. Потом я долго бродил по улицам, причем топографическое любопытство не оставляло меня даже теперь. Я больше не заботился о том, что они обо мне подумают, и не пытался изображать из себя ничего не подозревающего обывателя: менял курс, разворачивался на сто восемьдесят градусов, и поэтому без труда засек трех филеров, которые меня пасли.

Мужчин я мысленно назвал Отличник и Дебил, а женщину — Мормышка, а если по правде, то другим словом, отчасти близким по звучанию. Комсомольца и пожилого больше не было. К.С. Станиславский рыдал бы от восторга, глядя на поведение Отличника: когда я, порывшись в книгах букинистического магазина и даже что–то купив, вышел наружу, тот, вы не поверите, стоял спиной ко мне и переписывал в записную книжку время работы соседней «Спортивной книги», сверяясь с табличкой на ее дверях после каждой буквы. И были причины: стеклянная дверь здесь хорошо отражала все происходившее позади. А когда я зашел на какую–то стройплощадку справить малую нужду, на ней тут же возник еще один встревоженный филер, типичный строитель коммунизма с плаката. Он был в футболке невозможного сиреневого цвета, где они такие берут?

Я слышал звук машины, в которой его подвезли к другому входу на стройплощадку. Не глядя на меня — характерная деталь, нормальный человек взглянул бы, — он обогнул котлован и вышел в прореху забора с противоположной стороны. Так и есть — туда тут же подкатил микроавтобус.

Кстати, часто приходится слышать, что на подобные роли берут людей с незапоминающейся внешностью. По–моему, это литературный домысел, посмотрите вокруг, какую внешность можно назвать незапоминающейся? Но даже если таковые и есть, поди их напасись. Думаю, что гебуха работала с тем материалом, который имела, даже одеты они были, боюсь, в свое.

Я вышел со стройплощадки на улицу и увидел через дорогу наискосок, как Строитель коммунизма беседует с Дебилом. Оба

трогательно изменили внешность: Строитель коммунизма упрятал свою сиреневую безрукавку под куртку–хаки, в которой еще недавно щеголял Комсомолец, причем ему она была, слава Богу, впору. К несчастью, сиреневый воротничок все равно выглядывал. Дебил, наоборот, куда–то дел свою белую ветровку и стоял теперь в трикотажной рубашонке в широкую черную горизонтальную полосу. На голову он, вдобавок, натянул бейсбольный картуз, получилось красиво.

Мимо меня медленно прокатил микроавтобус с глухими окнами и с большой антенной, видимо, тот самый. Я решил, что у меня все же есть шанс: стройплощадка имела выход на третью сторону, в переулок, куда ни одна машина въехать не могла, поскольку его пересекала свежевыкопанная траншея. Пока они попрыгают в свой микроавтобус, пока он будет объезжать квартал... Я кинулся через стройплощадку, как юная серна. Мне повезло: я выскочил на угол переулка и большой улицы почти под колеса серой «Волги», явно готовой везти меня куда угодно.

«Почтовая площадь», — сказал я улыбчивому пожилому водителю. «Яволь, зер гут, хоть в Русановку, хоть в Лиски», — с готовностью отозвался он. Мы катили очень лихо. Хорошо помню, что дважды мы пересекали перекресток последними, уже на красный свет. Когда мы въехали на Подол, я уверовал, что оторвался, но на всякий случай вышел за полверсты до Почтовой площади и пошел к метро пешком.

Самое главное, не привести этих дармоедов за собой в общежитие Геофизтреста. Ночевать мне больше негде, а там кроме меня остановился еще и З.К. Поскольку к устроившей нас туда Раисе три дня назад обращался Алекс, вся наша шайка становится вычисляемой. Жена Алекса тоже еще была в Киеве — с помощью взятки она купила себе право жить в «Пролеске» еще несколько дней, несмотря на утрату статуса автомобилистки.

Нам предъявить формально покамест нечего, но ведь есть еще и голландец с его двойным дном, вдруг его ведут от самой границы? Сам он, правда, не заметил ничего подозрительного, пограничный и таможенный контроль длился всего несколько минут и показался ему совершенно формальным, но хрен их знает, этих славных дзержинцев.

14

Входя в вестибюль метро «Почтовая площадь», я вздрогнул от отвращения: меня обогнал давешний Комсомолец, уже без куртки. Не поглядев в мою сторону, он устремился к эскалатору и исчез. Все было до боли ясно: прежде чем я окажусь внизу, на платформе, он должен успеть оставить там кому–то свои инструкции и укатить на первом же поезде. Спустившись вниз, я уже не встречу знакомых лиц, всех филеров придется вычислять заново. Повернуть назад, на улицу? Там люди, ясное дело, тоже расставлены. Скорее всего, правда, все те же, знакомые. И как они успели опередить меня? Неужели балагура на «Волге» они мне сумели подставить? Невероятно.

Я стоял, размышляя, а в это время ко мне уже направлялся станционный милиционер: «Ваши документы, пожалуйста». Вот оно что, им надо установить мою личность и киевлянин ли я. Паспорт у меня был с собой. Милиционер пригласил меня в свою сторожку. Всем своим видом намекая, что любая просьба КГБ ему тошнотворна, он переписал в маленькую записную книжку данные моего паспорта, одновременно рассказывая сказку о какой–то выборочной проверке в киевском метрополитене.

Теперь вся моя ситуация стала другой. Распрощавшись с добрым милиционером, я не стал спускаться вниз, а вышел на улицу. Может, теперь, добившись своего, установив, кто я такой, они отвяжутся? Но нет, на скамейке на краю площади я увидел Мормышку, правда, с каким–то новым персонажем, интеллигентного вида мускулистым лысым господином в ковбойке. В качестве пары они смотрелись на редкость нелепо, и Лысый заметно по такому поводу страдал, не мог этого скрыть. Я плюнул в их направлении и пошел бродить по любимым местам Киева, ни разу больше не оглянувшись. Пусть эти шуты разыгрывают свои мизансцены, я не собирался облегчать им жизнь.

По пустынному и неудобному для слежки парку я отправился к памятнику Владимиру Красное Солнышко. Ночью прошел сильный дождь, аллея была скользкой и зеленой от постоянно натекающей со склонов глины. Я гулял, помню, в Липках, на Татарке, где–то еще. Совсем поздно вечером пришел на вокзал и, о чудо, как–то удивительно легко купил билет в плацкартный вагон до Симферополя на завтрашний вечер. Вопрос о приеме груза отпал, и если нас завтра не повяжут, я могу отправляться на море, а машину оставлю З.К. Пусть пользуется, безлошадный.

У соседней кассы успешно изображали отъезжающих Дебил и

Лысый. У следящих за мной, как видно, наступил кризис кадров: когда я почти в полночь подходил к общежитию Геофизтреста, все тот же Лысый оказался на моем пути в телефонной будке. Он кричал в трубку: «Да, да! И обязательно ее подругу рыженькую с собой прихвати! Ну ту, тонкомясую! Да, да!»

За этой фразой чудился хоть какой–то, но класс работы, однако выдержать его больше пяти минут «державна безпека» оказалась не в силах. Когда я получал у дежурной тетки ключ от своей комнаты (З.К. вернулся получасом позже), в дверях общежития появился Дебил в горизонтальную полоску и как–то особенно тупо прошлепал внутрь, а тетка не остановила его и ни о чем не спросила. Как это прикажете понимать?

Мы с З.К. долго шепотом обсуждали создавшееся положение, запивая обсуждение пивом. Вспоминаю это с удивлением, ибо вообще–то к данному напитку равнодушен. Мы согласились, что ни о какой разгрузке завтра не может быть и речи, а коль скоро мы не приняли груз, ухватить нас не за что. В обоих смыслах. Неприятно было другое: теперь не требовалось больших усилий, чтобы вычислить всех нас в качестве группы и заняться ее изучением.

З.К. рассказал, почему он подал мне сигнал разноцветной подушкой: подстраховывая меня, он сразу увидел на станции филеров, причем, по его убеждению, их притащил за собой голландец. Это подвигло меня на такую гипотезу: голландца не вели от границы, кто–то из людей с газеткой заметил необычное поведение Майке на станции метро вчера, сбегал в комнату дежурного по станции, позвонил начальству, а оно приказало проследить и выяснить, что за иностранцы и кто придет к ним на встречу.

Видимо, их вчера довели до «Пролеска», видимо, наблюдали и в «Пролеске», но Алекса там уже не было, а если бы и был, никаких контактов с Дирком он, понятное дело, иметь не мог по причине незнакомства. Какое счастье, что Дирк не занялся вчера разгрузкой машины. Сегодня утром слежку продолжили и не были разочарованы: на встречу с иностранцами пришел какой–то русский, то есть я. Тем важнее было убедить наших соглядатаев, что встреча была затеяна ради передачи посылки с самым тривиальным содержимым. Да только поверят ли они в это? Ведь я заметил слежку и мог о чем–то предупредить Дирка.

«Стоп! — сказал я себе. — Они вполне могли решить, что я заметил слежку лишь после того, как расстался с голландцем. Стало быть, он уехал к себе в »Пролесок« ни о чем не предупрежденный».

Но кто у них делает выводы и принимает решения? Не сами

же следящие? Им приказывают, они следят. К тому же вид у всех, как на подбор, идиотический. На идиота не похож один Лысый. Правда, он и чином, без сомнения, повыше этих сиреневых и полосатых. Небось, возился на полу со своим трехлетним мальчишкой, радуясь субботе, а в это время звонок: «Петр Михайлович, надо помочь, ребята не справляются, какой–то хрен их вычислил».

Плохо будет, если из Киева дадут знать в Москву, и у нас в наше отсутствие устроят обыск. Кое–что я по беспечности совершенно напрасно держу дома. Хоть живу я не там, где прописан, установить мой истинный адрес при желании несложно. Но, как говорил мой учитель, не терзайся вещами, над коими ты не властен. С тем я и заснул.

Утром я встал рано, и хотя до встречи с Дирком была еще тьма времени, отправился в город. Кризис кадров был за ночь преодолен, за мною следили совершенно новые лица. Я специально медленно шел по улице Саксаганского, а по противоположной стороне так же медленно шел Пенёк, как две капли воды похожий на человека именно с таким прозвищем из далекого прошлого, когда я еще был аспирантом в Ташкентском университете.

Тамошний главбух взял себе тогда тридцатилетнего примерно мальчугана на побегушках, которого все сразу прозвали Пенек. Был он глуп, подобострастен, перед начальством стоял в позе ученого зайца и отклячив зад, но через два года сам стал главным бухгалтером. Так вот, параллельным курсом со мной сейчас шагал вылитый Пенек.

Чтобы этим ряженым служба не казалась медом, я зашел в Ботанический сад, совершенно пустынный в это воскресное утро, здесь следить можно было только идя внаглую по пятам, а таких инструкций у Пенька и присоединившегося к нему Печенега, как видно, не было. Я полчаса просидел на скамейке, а они почтительно мелькали где–то в отдалении. К их огорчению, я вступил в контакт со всеми случайными посетителями Ботанического сада, выгуливателями собак и младенцев.

Потом я отправился в Музей русского искусства. Кто знает Киев, помнит, что этот музей находится прямо напротив красного здания университета, через бульвар. На бульваре уже околачивался Пенек с видом праздношатающегося повесы. Он был уже без сумки, и приглашающе махал кому–то рукой в другой конец улицы Репина, идите, мол, сюда, ребята, тут хорошо.

Странно, но в самом музее я ни одного подозрительного лица не встретил. Ужасно люблю этот музей, помню практически все

картины, дорого бы дал, чтобы «Пруд в Абрамцеве» Поленова висел у меня дома. Обожаю картины «Арест шпиона» (по–украински — шпигуна) Верещагина и «Святой Николай останавливает казнь невинных» Репина, а на картине Маковского «Не пущу» («У кабака») изображен пропойца с очень волевым и сильным лицом, как две капли воды похожий на моего двоюродного дядьку Анатолия Васильевича Прудникова, тоже всегда поражавшего меня значительностью своего облика и тоже пьяницу.

В зале, где висит несколько Шишкиных, около картины «На севере дальнем» стояло существо неземной красоты, пастельных тонов дева лет семнадцати. Я спросил ее, обратила ли она внимание на скульптуру Лансере «Прощание казачки» в соседнем зале. Она сказала: «Покажите». Я показал ей. Казак, отправляющийся, как видно, на войну, сидит в седле, а его возлюбленная, чтобы поцеловать его в последний раз, встала одной ногой в стремя. «Страшно трогательно, — согласилась девушка, — но я все равно больше люблю картины». Она оказалась дочерью актерской четы из известного московского театра, как раз гастролировавшего в Киеве, звали ее Екатерина Юрьевна. Мы не спеша обошли оставшиеся залы, потом я проводил ее до гостиницы. Поразительно, но мои «шпигуны» бесследно исчезли.

15

Они появились вновь лишь когда я встретился с Дирком. Дирк не подвел, он держал в руке объемистый пакет. Вообще он оказался толковым и сообразительным человеком. Даже его английский за истекшие сутки загадочным образом улучшился. Любой ценой его следовало соответствующим образом проинструктировать, поэтому я просто обязан был сделать так, чтобы мы смогли пусть на две минуты, но оторваться от своих опекунов, оторваться полностью. Пакет я решил пока не забирать у Дирка по той причине, что плотно пасущие нас дурни могли придать преувеличенное значение факту его передачи.

В начале Андреевского спуска, сразу за растреллиевской Андреевской церковью, есть смотровая площадка. Мы простояли на ней минут двадцать. Дирк, ландшафтный архитектор, восхищался устройством Киева. «Зона отдыха здесь посреди города!» — повторил он несколько раз. Группа товарищей рядом с нами оказалась терпеливой. Они по очереди тыкали пальчиками в каких–то неинтересных направлениях, что–то тихо обсуждали и явно были готовы стоять так хоть три часа. Наконец, не выдержав, я шепнул своему спутнику: «Пошли быстро», и мы спортивным шагом устремились вправо по асфальтовой дорожке за спиной у церкви, куда обычный турист не ходит. Через сто метров я сказал: «And now just a small exercise, please». Мы проворно вскарабкались по склону и очутились во дворе дома, примыкающего к Андреевской церкви.

Растерянные «товарищи» постеснялись кинуться за нами, так что я имел не менее трех минут, чтобы сказать Дирку вещи, о которых он, наверное, уже догадывался, но, разумеется, не мог знать наверняка.

Ни в какой другой точке нашей прогулки, равно как и в метро, я не решился бы ему это сказать, хрен ее знает, эту гебуху, как она умеет подслушивать. Я сказал:

«Не извлекайте груз, увозите, как привезли, за нами следят. Следить начали явно только в Киеве, продолжайте свою поездку как ни в чем не бывало, не отклоняйтесь от сроков, не ускоряйте выезд из страны. Если машину распотрошат, действуйте согласно вашей легенде, которая мне неизвестна. Со мной вы встретились по просьбе художника Анатолия Иванова и его жены Лены, это мой старый товарищ по Москве, он уехал в Америку семь лет назад. Вы с ним познакомились в Амстердаме. Узнав про ваши планы, он попросил передать бедному советскому другу этот пакет. Потом он позвонил мне в Москву и назначил нашу с вами

вчерашнюю встречу в метро и описал мне вас с дочерью. Учтите, накануне вы никого не должны были встречать, а спускались под землю из любопытства».

С этими словами я взял из рук Дирка пакет, который ему уже давно прискучило таскать, и протянул фотографию Толика Иванова: «Быстро прячьте в карман, это тот самый человек».

Надо ли говорить, что эту свою речь я утром тщательно подготовил, выбирая самые простые слова и все время жалея, что под рукой нет русско–английского словаря. Потом я выучил эту речь наизусть. Что же до фотографии Толика Иванова, она у меня почему–то оказалась в книге, которую я взял с собой в поезд. Вечером я тщательно проглядывал свои вещи в поисках чего–нибудь нежелательного и, когда наткнулся на фотографию, посчитал это знаком свыше.

Хотя я говорил, старательно произнося каждое слово и даже повторяя некоторые вещи, когда Дирк недостаточно активно кивал головой в знак понимания, мне кажется, я уложился минуты в полторы, хотя не поручусь: в подобных ситуациях судить о времени крайне трудно. Как бы то ни было, ни одна живая душа во дворе не возникла. Потом я все повторил снова еще раз.

В тот самый миг, когда мы вышли на Десятинную улицу, на нее с двух сторон влетели две машины, полные людей, и остановились как вкопанные. Никто из машин не вышел. Тогда мне было не до смеха, но я все равно понимал, что это достаточно комическое зрелище. Антенны от резкой остановки буквально хлещут по капоту и по крыше поочередно, а большие потные люди сидят в машинах молча, глядя прямо перед собой. Предполагалось, наверное, что они выскочат и изобразят мирных дворников, почтальонов, землепашцев, да мы, на беду, слишком рано появились из подворотни, и теперь они сидели, не зная, как поступить, и ненавидя нас.

Мы повернули влево и прошли мимо одной из машин. Я был готов к тому, что сейчас из обеих горохом выкатятся их седоки и схватят нас, совсем как в двухсерийном фильме «Заговор против Страны Советов» (Центральная студия документальных фильмов, 1984), ведь произошла передача опасного криминального пакета, он был уже не в руках у Дирка, а в моих.

«Ну не идиоты же они, — говорил я себе, — им известно, что я вчера заметил слежку за собой, это обязательно должно было меня спугнуть, да еще и милиционер проверил документы, так что исключено, чтобы я отважился на что–то, на чем меня можно схватить». А другой голос в ответ твердил: «Не пытайся рассуждать за них, это бесполезно. А вдруг идиоты?»

Другой голос принадлежал, как видно, очернителю советской действительности, ибо оказался не прав. Никто на нас не кинулся. Оставив несгибаемых андроповцев наедине с их трудностями, мы дошли до фуникулера, спустились на Подол и там расстались. В те годы, чтобы воспользоваться киевским фуникулером, надо было опустить в щель турникета всего лишь двухкопеечную монету — как в уличный телефон.

В последнюю минуту я спросил у Дирка, уверен ли он, что в пакете нет калькулятора, не поручали ли ему передать мне таковой: «No calculator, no small computer?» — кто–то из доставщиков, помню, называл эту штуку компьютером. «Ноу, ноу», — уверенно качал головой Дирк. Да, у него был калькулятор для нас, но он вчера вечером нажал в углубление «Reset» на его донце, чем стер все записи, какие там только могли быть. Разумеется, этот диалог следовало провести еще во дворе, но я забыл тогда.

Чтобы поскорее удовлетворить законное любопытство моих опекунов, я первым делом поехал на вокзал и оставил полученный пакет в ячейке камеры хранения — проверяйте, дорогие товарищи. Забрал я его через несколько часов, уже перед самым поездом. Самому же мне не удалось ознакомиться с полученными подарками до самого Судака, все было как–то не с руки, постоянно вокруг толклись люди — сначала в плацкартном вагоне, потом в автобусе.

Я так и не смог ответить себе, убедителен ли набор вещей в пакете, с точки зрения гипотезы, которую я старался внушить. По–моему, не очень: пара кроссовок, ярко–желтые женские брюки, набор фломастеров, темно–синяя футболка с аппликацией, изображающей картуз и трубку Шерлока Холмса, я носил ее потом года три, набор каких–то странных металлических пуговиц, крючков и заклепок для одежды, набор снастей для художественной штопки, синий картуз с козырьком, ну и, как обычно, растворимый кофе, печенье, витамины, еще какая–то ерунда и даже — о позор! — пакет сахара. Но они, видимо, предпочли поверить. Просто, чтобы не осложнять себе жизнь лишний раз.

Через некоторое время мы узнали, что Дирк с дочерью благополучно выехали за пределы СССР, а их машина подвергалась лишь обычному поверхностному досмотру.

Самое же главное, киевский КГБ не послал (я так думаю, что не послал) вышестоящему московскому сведения о подозрительных контактах москвича А.Б.Г., то есть моих, с туристами из Голландии. Кому охота писать длинный отчет о том, как по меньшей мере одиннадцать оперативников и не менее

трех машин в течение двух дней энергично шли по ерундовому, как оказалось, следу.

А может быть, и написали, и послали. И в Москве это донесение, зевая, куда–то подшили. Законы царства теней невычисляемы. В любом случае, никаких последствий мое маленькое киевское приключение не имело, и начиная со следующей весны доставка возобновилась как ни в чем не бывало.

16

Едва ли вы, дорогой читатель, когда–нибудь обращали внимание на то, насколько подозрительно ведет себя большинство людей, во всяком случае на улице. Помню, как–то в Питере, один, без подстраховки, жду очередного доставщика на бульваре у метро «Чернышевская», притом жду уже больше двадцати минут.

То, что я жду не внутри метро, а снаружи, означает, что иностранец не появляется третий день подряд, очень плохой признак. В связи с этим мнительность моя сильно возрастает. Я ловлю себя на том, что стараюсь не привлекать к себе ненужного внимания. Если вы ждете кого–то по невинному поводу, вам такое и в голову не придет, правда?

Если посланца взяли на границе и он раскололся, то в этом скоплении людей, как и я, чего–то ждущих, сейчас наверняка полдюжины филеров, и я, человек относительно опытный, должен их запросто вычислить, они не могут вести себя стопроцентно естественно. Но, Боже мой, неестественно ведут себя все!!!

Один ест мороженое так, словно участвует в соревновании на продолжительность поедания порции (соревнуются же, например, кто потратит больше времени на то, чтобы проехать на велосипеде пять метров). Он касается языком своего эскимо только затем, чтобы не дать упасть на землю уже растаявшей капле. Кто в здравом уме так ест мороженое?

Другой подобен шпиону из мультфильма: темные очки, надвинутая на уши шляпа, то выглянет из–за столба, то снова спрячется. Впрочем, его как раз смело можно исключить из числа подозреваемых.

Юноша с тем самым дефицитным незапоминающимся лицом уже минут пятнадцать читает в книге одну и ту же страницу, причем держит книгу гораздо выше, чем обычно держит человек, читающий стоя, зато так ему удобнее бросать взгляды поверх страниц.

Мимо тетки, которая совершенно не ищет никого глазами ни среди входящих в метро, ни среди выходящих, прохаживается взад и вперед мужчина лет пятидесяти в нелепом коричневом костюме (не может быть, чтобы такие шили всерьез) и синей рубашке. Весь его облик говорит: «Да, пью, но не в служебное время, а на работе я как стеклышко». Он пытается делать вид, что незнаком с женщиной, но, проходя мимо, что–то ей говорит, стараясь не шевелить губами.

И так буквально каждый. Где новый Брейгель, способный

изобразить этот пандемониум! Самое интересное, что я ошибался, ни одного шпиона среди этих людей не было. По крайней мере, по мою душу.

Когда я уже твердо решил уходить, вдруг появился человек с условленным пакетом и как–то сразу, еще до того, как я развернул ответный, приметил в толпе меня. «Ага, — подумал я, — надо делать выводы». Но деваться некуда, мы обменялись с ним дружескими словами, мы похлопали друг друга по плечу, и мимо человека, который уже двадцать пять минут изучал программу телевидения на газетном стенде (попробуйте сами, засекая время, а потом скажите, подозрительно это или нет), повернули на улицу Петра Лаврова. Ни одна душа за нами не последовала.

Мы говорили о совершеннейших пустяках, и лишь когда дошли до дома, где, как гласила мемориальная доска, жил Лесков (кстати, что заставляло Николая Семеновича жить в таком низком первом этаже, что он в этом находил хорошего?), я стал расспрашивать своего спутника, ражего и рыжего француза, о причинах задержки. Оказалось, где–то в Финляндии у него сломалась штанга, прикрепляющая его дом на колесах к автомобилю. Вся эта конструкция была какой–то редкостной автофирмы, «Берлие» что ли, и два дня ушло на поиск замены.

Как–то раз, в том же Ленинграде, мне удалось оторваться от слежки, не воображаемой, как у «Чернышевской», а самой настоящей. Хотя и не такой суровой, как в Киеве. Уж не помню почему, контакт должен был произойти в крайне неудачном месте — около гостиницы «Москва», напротив Лавры. Я встретил там двух молодых парней, норвежцев. Их звали Видкун и Хуго (почему–то засело в памяти). Они путешествовали вдвоем и, боюсь, неспроста, но об этом я старался не думать. Пока мы по кругу обходили площадь, направляясь в Лавру, нас обогнал Евгеньич. К моему крайнему неудовольствию, через плечо у него была перекинута какая–то торба — довольно нелепая, по правде сказать. Это был сигнал опасности.

Что было делать? Сначала мы с норвежцами зашли в некрополь восемнадцатого века, там удобно наблюдать за публикой. Одного филера я вычислил довольно быстро, это был смышленого вида блондин в чем–то светлом, а вот его напарника — его не могло не быть — зрительно вычислить не сумел. Мы прошли во двор Лавры и уселись там на скамейке. Я предупредил своих спутников, что сидеть будем долго. Мы действительно просидели там, мучительно придумывая темы для разговора, минут сорок, что было, конечно же, бессмысленно. Когда солнце переместилось и наша скамейка вышла из тени, я

решил, что гебуху нам не пересидеть.

Блондин терпеливо прохаживался по аллее, изображая поэтического мечтателя. Через какое–то время я сообразил, где прячется второй. Блондин его, разумеется, все время видел и даже наверняка принимал от него и посылал ему какие–то неуловимые для меня знаки. Я же его визуального контактера видеть не мог по простой причине: тот отирался в отверстых вратах Троицкого собора, ни разу не высунувшись настолько, чтобы попасть в поле зрения своих поднадзорных.

Борясь с раздражением, я сказал норвежцам, что разгрузку они сегодня делать не должны, что завтра у нас будет новая встреча, а пока что нам придется капельку погулять. Вышли мы не на площадь, а к Обводному каналу, повернули направо и зашагали. В это трудно поверить, но наша прогулка продолжалась шесть часов, и расстались мы уже у метро «Черная речка». Последние три часа я никакой слежки за нами больше не чувствовал — то ли соглядатаям надоело, то ли, что более вероятно, они нас потеряли где–нибудь в Гостином дворе. Норвежцев я оставил ни живых, ни мертвых. На следующий день все у нас прошло как по маслу.

Уверен, кстати, что всякая слежка дело тяжелое, особенно когда, сидя в машине, приходится проводить часы в напряженном вглядывании в одну точку. Я это оценил, когда сам оказался в похожей ситуации. Однажды мы по каким–то причинам не смогли принять груз в Ленинграде и объяснили симпатичной датской паре, у которой по расписанию впереди еще была Москва, что наша машина будет их ждать через пять дней в определенный час на каком–то там километре Минского шоссе вскоре после выезда из Москвы, прямо у верстового столба.

Машину нашу они в Ленинграде видели, с ее опознанием трудностей у них возникнуть не могло. Все, что им оставалось, это замедлить ход, подъезжая к указанному месту. Из Москвы они должны были ехать в направлении Смоленска и Бреста. Ко дню их отъезда мы, естественно, тоже были в Москве. У датчан был приметный голубой пикап на необычно высоких колесах с прицепным белым фургоном, так что даже издали их трудно было спутать с кем–то еще.

Заметив их приближение и заметив, что они нас заметили, мы должны были тронуться с места и ехать вперед, а они — послушно следовать за нами. Перекидку мы хотели произвести в Переделкине. Если же мы не трогались с места, они должны были остановиться метрах в тридцати впереди нас, после чего я бы подошел с ведром или с «крокодилами». Все почти естественно,

автомобилист просит о чем–то автомобилиста. А на самом деле назначает новое место. Это мы придумали на случай непригодности Переделкина по какой–то причине.

Ехать гуськом много километров невозможно, но для таких случаев на трассе у нас было припасено несколько точек, по ряду признаков удобных для того, чтобы передний мог здесь остановиться, дождаться заднего (либо задний мог догнать переднего) и произвести быструю перекидку.

Обычно такие точки мы выбирали между двумя седловидными понижениями дороги. Их список и точное описание мы вручали Кнуту каждую весну. Значились в этом списке и два–три места, где несчастные чужеземцы могли спрятать груз прямо в придорожном лесу или лесополосе. Каждый год по весне мы специально изучали трассы, обновляя удобные точки.

17

В назначенный день мы задержались по совершенно смехотворной причине — какие–то юные ленинцы напихали спичек в замки моей «трешки» (той самой, по имени Мурзик). Мы потеряли четверть часа на то, чтобы попасть внутрь автомобиля, и в итоге оказались на месте примерно с пятиминутным запозданием. Были мы вдвоем с Алексом. У столба никого не оказалось, и мы вдруг поняли, что не готовы к подобной ситуации. Мы не предупредили датчан, как действовать, если они приезжают, а нас на месте нет. Мы уже было твердо решили, что на этот раз едем именно в Переделкино, я там присмотрел неплохое место недалеко от дачи патриарха. Нам оставалось проехать еще километра два по шоссе до развилки с мигающим светофором, там бы мы весело вкатили под переделкинские кущи и, глядишь, через час были бы дома. Мы настолько уверовали, что все будет именно так, что даже не залили полный бак.

Не сговариваясь, мы с Алексом стали рыться в карманах: есть ли деньги, чтобы гнать до Смоленска, Минска, а то и Бреста. Деньги, к счастью, нашлись.

Мы попытались поставить себя на место иностранцев: вот мы приезжаем на рандеву, вот мы приходим к неизбежному выводу, что наших друзей что–то задержало. Нет, это еще не повод немедленно гнать вперед. С какой стати? Такой вариант вообще не предусматривался и не обсуждался.

Стало быть, мы на их месте останавливаемся вот у этого километрового столба, открываем капот и изображаем мелкий ремонт. Так должен поступить всякий. И умный, и глупый, и законченный мудрец. Значит, решаем мы, их тоже что–то задержало. Что ж, будем ждать.

Мы съезжаем на обочину, я долго регулирую зеркальце заднего обзора, годится только правое боковое. Мимо каждый миг проносятся машины, огромные грузовики, тягачи, автобусы, от этого все зеркала дрожат, но правое боковое можно придерживать пальцем.

Место здесь не случайное, мы всегда тщательно выбирали места встреч. Позади нас дорога образует два горба, ближний и дальний, так что приближающиеся к нам со стороны Москвы машины сперва взлетают на дальний горб, затем надолго проваливаются и вновь выныривают метрах в семидесяти позади нас. Очень важно увидеть датчан заранее, когда они покажутся на дальнем горбе. Если их сопровождают, то явно не по пятам, а на некотором расстоянии, и в тот момент, когда у нас произойдет

первый контакт, соглядатаи будут в яме, они ничего не увидят.

Конечно, у наших друзей очень приметное средство передвижения, но в зеркало все равно надо смотреть адски внимательно, не отвлекаясь и не расслабляясь ни на миг. Любая машина находится в поле зрения, в зависимости от ее скорости, от четырех до шести секунд. Контроля ради надо умудряться сканировать и машины, вылетающие из–за ближнего горба, на тот случай, если я умудрился не заметить датчан на дальнем, либо они прокрались за какой–нибудь фурой, рефрижератором или каким–то другим дорожным Левиафаном.

Таким вот образом, упершись средним пальцем в зеркало, я просидел в крайнем напряжении четыре с половиной часа. Алекс накануне разбил очки, так что подмены мне не было. Когда солнце окончательно допекло меня, я сказал Алексу, а он со мной согласился, что, видимо, наша логика никуда не годится, и датчане уже подъезжают к Смоленску.

С помощью рассуждения, столь же правдоподобного, как и предыдущее, мы убедили себя, что они будут ждать нас в мотеле (его название по–прежнему не дается мне) под Смоленском. Вознося молитвы, чтобы так оно и было, мы помчались на запад. Четыреста верст до Смоленска заняли у нас около шести часов.

К счастью, в мотеле оказались свободные домики, так что вселились мы в него без проблем. Отличительной чертой советской действительности тех времен была полная невозможность расспрашивать об иностранцах, остановившихся здесь же. В лучшем случае мы бы услышали в ответ подозрительное: «А зачем они вам?» Или еще гаже: «Вы от какой организации?» Нам оставалось лишь оформиться на ближайшую ночь (о счастье, у нас оказались с собой паспорта, в те годы по водительскому удостоверению никуда не вселяли), внести плату, въехать, и лишь затем приступить к поиску пропавших.

Мотель раскинулся довольно широко, а его проектировщик прежде, видать, планировал лабиринты. Тем не менее через полчаса нам стало ясно, что датчан тут нет, хотя полная уверенность отсутствовала. Ведь, теоретически говоря, они могли, отцепив здесь свой фургон, отправиться осматривать Смоленск. Категорически не должны были, но запросто могли это сделать. Имея за плечами тот опыт, который мы имели, нам уже не пристало обманываться на сей счет.

Как на грех, среди трех десятков фургонов на территории мотеля один был с датским номером, и домик, возле которого он стоял, был явно заперт. И, как на грех, мы не могли вспомнить, как выглядел фургон датчан, машину мы помнили прекрасно, а фургон — нет. Светлый, стандартный, как и этот, но не более

того.

А тут еще, в нарушение всех правил, меня вдруг окликнула моя, можно сказать, старая знакомая, француженка Мари. Она уже приезжала то ли в прошлом, то ли в позапрошлом году, а полторы недели назад у меня был с ней в Киеве новый контакт. Побывав за эти дни во Владимире, Суздале и Москве, Мари с подругой теперь катили в направлении родного Лиона. Узнавать друг друга при случайных встречах у нас категорически не полагалось, но сделать вид, что прекрасная дева обозналась, было бы еще глупее. Я зашел в их с подругой домик, с наслаждением выпил стакан «Перье» и попросил Мари зайти в контору разузнать, не приезжали ли датчане, я их подробно описал.

Мари отправилась выполнять мою просьбу, а я остался с ее подругой и почти тотчас увидел в окно, как по дорожке медленно, явно ища свой домик, катят мои датчане. Потом выяснилось, что за последние двадцать четыре часа у них дважды спускало колесо, по одному разу тек бензонасос, рвался трос принудительного охлаждения и отказывало зажигание. По их рассказу выходило, что они приехали на место встречи минут через десять после того, как мы, не утерпев, рванули к Смоленску. Датчане решили, что в этой жизни нам уже больше не встретиться, и оставили груз в одном из оговоренных мест, километрах в ста двадцати не доезжая Смоленска, близ деревни Истомино, почти у моста через Днепр.

Все это удалось узнать у них лишь глубокой ночью. В начале пятого утра мы разбудили крайне недовольную молодуху, ведавшую воротами мотеля, — по каким–то, уж не помню, причинам, она долго не хотела нас выпускать, — и были у нужного километрового столба без четверти семь.

На нашу беду в это же место и в это же время прибыла команда дорожных ремонтников. Такой ранний трудовой энтузиазм мог бы поставить в тупик, но сразу было видно, что это не гебисты. Простые, дочерна загорелые ребята, думаю, они просто хотели начать по утреннему холодку и закончить до жары. И все же тащить сумки из леса прямо на глазах у них было негоже.

Мы проехали вперед ровно столько, чтобы перелом дороги скрыл нас от их глаз, метров триста, вероятно. Алекс остался в машине, а я, проклиная все на свете, углубился в лес и побрел назад параллельно шоссе через какой–то мокрый бурелом, пытаясь представить себе, каково мне будет тащить сумки в обратном направлении и сколько их окажется. Это я таким способом отгонял другую мысль — о том, что, скорее всего, не найду ничего вообще. Даже когда, что называется, пляшешь от

печки, следуя точным указаниям, найти спрятанный предмет не всегда просто, я же захожу совершенно с другой стороны, практически на ощупь и наугад. Где сейчас исходный километровый столб? По–моему, я одолел уже на двести метров больше, чем нужно. И тут я увидел сумку.

Сумка была всего одна, но громадная, ростом мне до пояса и туго набитая. Серая, на колесиках, она торжественно стояла, ни от кого не прячась, посреди маленькой поляны. Особенно удивляться по этому поводу времени не было, и я потащил ее уже знакомым путем обратно, колесики в лесу были без пользы.

Я не прошел и сорока метров, как увидел одного из дорожных рабочих, он был гол по пояс, но как будто в белой майке, это он так загорел. Что его сюда занесло? Если он отправился до ветру, ему не было необходимости углубляться так далеко в лес, да еще такой мокрый и негостеприимный. Он смотрел на меня с тупым вниманием, в котором не читалось даже нормального человеческого любопытства. Можно было подумать, что он привык видеть, как по местным лесам таскаются городские обыватели с новехонькими заграничными баулами больше натуральной величины. Заговорить с ним в этот момент было бы с моей стороны роковой ошибкой, и я прошел мимо него, как мимо памятника Ленину, взвалив свою ношу на плечо.

В самом деле, что он тут делал? Я бы скорей додумался до ответа, если бы не опасался совсем другой встречи. Как–то по телевидению показывали один из обожаемых мною фильмов про наших бесстрашных чекистов. Не «Заговор против Страны Советов», который я уже вспоминал, а какой–то игровой фильм с «документальными» вставками.

Одна из вставок такова: товарищи из органов лежат в засаде в очень похожем лесу, лежат много часов, энергично жалимые комарами. Наконец, под видом грибника появляется военный атташе одной западной державы, так и сказали — «одной западной державы», и вместо гриба хочет (хитренький!) поднять булыжник, непонятно как оказавшийся в лесу. Этот булыжник на самом деле — шпионский контейнер, и едва презренный лжегрибник берет его в руки, к нему с пятнадцати сторон кидаются мокрые и ликующие охотники на шпионов, я никогда не видел, чтобы люди так быстро бегали, да еще через коряги. Мне кажется, я тоже ликовал в тот момент (сила искусства велика!), что тайна то ли лучей смерти, то ли усыпляющих радиоволн, то ли чертежа искусственной мухи, способной влететь в любой генштаб и там сфотографировать любую карту, не досталась иностранцам.

Чего я боялся, так это подобной засады. Ну, может быть, не

такой роскошной. Именно поэтому смысл лесной встречи дошел до меня, когда мы с Алексом уже катили к Москве. Сумок, видимо, было две, мы с датчанами по какому–то непонятному наваждению, говоря о грузе, использовали английское слово «goods» — товары, и я забыл спросить у них, сколько же мест «товара» они оставили в лесу. Оно и понятно, меня больше заботило точное описание места, я страшно боялся, что мы его не найдем из–за какого–то пустякового, но неправильно понятого словца.

Так вот, наш доблестный ремонтник то ли еще вчера увидел, как иностранцы таскают что–то в лес, то ли сегодня рано утром набрел на полянку случайно, но, как бы то ни было, именно он утащил первую сумку в какое–то известное ему место и сейчас пришел за второй.

Скорее всего, рассудили мы с Алексом, парень никуда не заявит, к тому же совершенно невероятно, чтобы он запомнил номер нашей машины. Правда, он мог запомнить саму машину — цвет, марку. Береженого Бог бережет, поэтому мы у Вязьмы свернули на Ржев, от Ржева поехали на Тверь (тогда, пардон, Калинин), оттуда на Кимры и Дубну и въехали в Москву с севера, через Алтуфьевское шоссе. Не представляю, что сделал предприимчивый дорожник со своей находкой.

18

Когда много лет подряд занимаешься одним и тем же, не обязательно делаешь это все лучше и лучше. Бывает и наоборот — делаешь все хуже и хуже. Наша деятельность была такого рода, что усовершенствовать ее было довольно сложно; какие–то коррективы мы, бесспорно, внесли, но несущественные. В целом, повторюсь, нами каким–то образом сразу был найден почти идеальный алгоритм, улучшить который оказалось трудно, зато ухудшать можно было сколько угодно. Когда все идет излишне гладко, когда жизнь перестает держать тебя в напряжении, начинаешь, понятное дело, непозволительно расслабляться.

Расслабились и мы, я–то уж расслабился вне всякого сомнения. Я не раз позволял себе, например, приехать вместе с иностранцем на его машине, если она, конечно, не была очень броской, прямо к подъезду или во двор дома, где мы остановились, обычно это бывало в Питере (ну, разумеется, не ко всякому подъезду и не во всякий двор), внести мешки или сумки в четыре руки или в шесть рук, сколько было, в квартиру и на этом закончить операцию. Я даже начал развивать теорию, что этак меньше риска. Если вы твердо знаете, что за вами не следят, — конечно, меньше. Но кто может твердо это знать?!

В июне восемьдесят девятого приятель предоставил мне квартиру в самом центре города, огромную профессорско–лауреатскую квартиру с камином и окнами на Марсово поле. Лестница в нее вела из внутреннего двора, всегда совершенно безжизненного. Въезд во двор был с Марсова поля. Двор имел и второй выход (но не выезд), в Аптекарский переулок, через сквозной подъезд.

Столь идеальное расположение дома — он, кстати, именуется у старожилов «дом Адомини», кто такой Адомини, не знаю, — соблазнило меня на следующее: я объяснил какому–то очередному англичанину, что ему надлежит в десять утра въехать под арку с Марсова поля во двор, где я буду его ждать. В предшествующую ночь я почему–то, забыл почему, заночевал в другом месте; помню, это было где–то в дальнем конце Васильевского острова, только не помню, у кого. Я проспал и выскочил на улицу в половине десятого. Было воскресенье, улицы напоминали пустыню. Каким–то чудом я уговорил владельца инвалидного автомобиля домчать меня до Марсова поля и все–таки опоздал.

Белый как мел англичанин ждал меня во дворе, оказывается,

уже минут пятнадцать — он, на беду, приехал чуть раньше срока. Хорошо еще, приезжал он не впервые и помнил меня по какому–то предыдущему визиту. Это помогло ему сохранить веру в то, что я все–таки появлюсь. Когда же мы внесли с ним какие–то особо сложные баулы и саки в прихожую, я услышал шум воды в ванной и пение. Пела приехавшая из Америки сестра хозяина квартиры, она имела свою связку ключей. Времена менялись, в восемьдесят девятом такое уже стало возможно — еще не для нас, но уже для «них».

В общем–то, все обошлось: англичанин меня дождался, а подозрительный груз я успел оттащить в отведенную мне дальнюю комнату за миг до того, как новая американка в сатиновом, еще доэмиграционном халатике покинула ванную. В этот раз моя небрежность не была наказана.

Помню вдвойне недопустимую поездку в августе предшествовавшего года — во–первых, без кого бы то ни было из коллег для помощи и подстраховки, а во–вторых, со всем семейством. Одно издательство, с которым мы с Алексом были долго и бесплодно связаны, имело квартиру для приезжих в большом доме слева от гостиницы «Прибалтийская», и я мог целую неделю бесплатно этой квартирой пользоваться. Для такого случая я с женой, сыном и годовалой дочкой прикатил в Ленинград на «Ниве» Алекса.

В течение недели прибыли две команды и обе освободились от привезенного товара с описанной выше обворожительной простотой: мы подъезжали к подъезду и втаскивали все, что требовалось, в издательскую квартирку на втором этаже. Одна сложность, правда, оставалась. Моя жена, естественно, была во все посвящена с самого начала, хотя никогда в операциях не участвовала, шестнадцатилетний же Ваня ни о чем не знал, хотя, быть может, и догадывался.

В определенный час всех троих следовало куда–нибудь отправить, притом самым естественным образом, а затем суметь спрятать сумки в маленькой квартире так, чтобы Ваня на них случайно не наткнулся. Помню, что в конце недели должен был примчаться из Крыма Алекс и забрать у меня все трофеи.

В один из дней, аккурат тогда, когда мы с Ваней гуляли по Петропавловской крепости, а жена с маленькой Дашей, к счастью, была дома, повернулся ключ и вошел завхоз издательства с какой–то парочкой. Он был беспредельно изумлен, увидев гостей, и стал врать, что привел командированных, которых необходимо здесь поселить. Ирина проявила обычно несвойственную ей стальную твердость и на все уговоры завхоза, что людей он привел тихих, а в квартире две комнаты и друг другу мы мешать

не будем, отвечала категорическим «нет». А поскольку завхоз несколько трусил, ибо не хотел, чтобы источник его левого заработка стал известен начальству, вся троица через какое–то время ретировалась, спросив последний раз с порога: «Может, все–таки договоримся?»

Чему–то я, конечно, научился за эти годы очень хорошо: я открывал багажники и доставал оттуда дорожные сумки с таким видом, что если кто–то случайно смотрел на меня в это время, ему уже через четыре секунды становилось неинтересно это делать. На меня всегда в подобных ситуациях нападала ничуть не деланная зевота, но и она не отвела от нас подозрения и не спасла от провала в августе восемьдесят девятого. Не думаю, что где–то на границе было выявлено наличие двойного дна, скорее кто–то настучал, и скорее в Питере, чем в Москве. Вероятно, кто–то обратил внимание на многочисленные сумки, не менее трех человек задавали мне там один и тот же вопрос: зачем это я так часто приезжаю?

Позже выяснилось, за нами следили на протяжении двух последних приездов в Питер, о коих нечего вспомнить, настолько они были рутинными. Оба этих раза мы останавливались в убогой окраинной пятиэтажке. Где именно, кому принадлежала квартира? Не могу разобрать ничего (цитата). Как оказалось, видеокамера фиксировала каждый наш выход из подъезда и то, как я, засыпая на ходу, вношу сумки в дом, и как Евгеньич задергивает оконные шторы, умудрились снять даже нашу встречу с иностранцами в метро, зато перегрузку из машины в машину не сняли, кишка оказалась тонка, а лучше сказать, безупречными показали себя найденные нами когда–то места встреч. Но всего этого мы пока не знали.

Прошли еще десять блаженных дней без приезда каких–либо команд, и вот, числа двадцать третьего августа должна была приехать очередная, голландская (в нашем расписании всегда указывалась страна), предпоследняя в этом году. По какой–то уважительной причине — теперь уже не восстановить, по какой, — на первую встречу в метро «Кировская» пошел Евгеньич, такое случалось редко, но случалось. Может быть, языковой барьер заставил его избрать предельно простую схему, а именно, назначив вторую встречу через шесть часов в том же месте, доставить добычу непосредственно к Алексу, жившему рядом.

Голландцы заверили, что шести часов им вполне хватит на то, чтобы вернуться в «Солнечный», извлечь спрятанное, упаковать сумки и быть в машине на Чистопрудном бульваре вблизи метро. На вторую встречу у нас всегда шел тот же, кто и на первую. Было принято решение, что Евгеньич садится в

машину голландцев, они объезжают Чистопрудный бульвар и по Харитоньевскому переулку подкатывают к дому Алекса на улице Жуковского. Приехав, Евгеньич не сразу пойдет с голландцами в дом, они будут какое–то время изображать оживленный разговор, ожидая моего сигнала. Я буду стоять у подъезда и смотреть, все ли чисто, не приехал ли кто за ними.

Все так и было: никто не приехал, не появилось ни одного подозрительного пешехода или велосипедиста, так что я спокойно засунул руки в карманы — жест, означавший для Евгеньича, что можно открывать багажник и вытаскивать саквояжи. Евгеньич, в свою очередь, дал мне знать условным образом, что шести рук хватит, моя помощь не нужна. Я вошел в подъезд и помчался на шестой этаж, готовить вход гостей в коммунальную квартиру, это имело свою специфику.

Прошло пять и десять минут, никто не поднялся на лифте, не забрался, отдуваясь, по лестнице.

Произошло, оказывается, вот что: едва Евгеньич и двое голландцев взяли в руки свои сумки, как из подъезда гурьбой высыпала целая толпа совершеннейшей на вид шпаны, до того прятавшейся в подвале, и бросилась к обремененным ношей людям. Вцепились им в руки и плечи — чтобы никто из схваченных не разгрыз ампулу с ядом, которую, как считается у них, враги зашивают в воротничок, — и дрожащими руками стали расстегивать сумки.

Не знаю, что они ожидали там увидеть, но, без сомнения, уже ощущали в тот сладостный миг, как у них на плечах вырастает по новой звездочке, а то и по две, бывают и такие повышения. Велико же было их горе, когда они увидели, что сумки набиты — книгами Священного Писания.

* * *

В общей сложности за восемь лет мы приняли никак не менее восьмидесяти тысяч, а возможно, что и более ста тысяч книг.

После нашего провала мы не угодили в лагеря солнечной Мордовии лишь потому, что советская власть только что начала свой неуклюжий разворот в сторону церкви и «леригии», а главное — сама советская система в 1989 году уже трещала и сыпалась.

Годом, а тем более двумя или тремя ранее наша деятельность, будучи раскрыта, ни в коем случае не сошла бы нам с рук.

Сегодня, когда по всей России вновь открыты тысячи церквей, когда можно купить, а при большом желании и получить даром любую религиозную литературу, люди стали быстро забывать, как обстояло дело в восьмидесятые годы, не говоря уже о более ранних временах.

Все имена иностранцев в моем повествовании изменены. Я не имею также полномочий назвать здесь благородную и щедрую христианскую организацию, наладившую тайную доставку в СССР Новых Заветов и полнообъемных Библий на тонкой рисовой бумаге и в гибких обложках.